

Николай Живцов

СЛЕДАК 3

Николай Живцов

Следак 3

Серия «Следак», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70326877

Аннотация

Оказавшись в 70-х годах XX века в стране, о которой знает лишь из учебников, бывший мажор, а ныне следователь районного отдела советской милиции Альберт Чапыра с каждым днем все отчетливее понимает, что такая жизнь не для него. Он никак не может вписаться в советское общество с чуждой ему системой ценностей и мечтает вернуться в знакомый ему капиталистический мир. Вот только путь на Запад для него закрыт железным занавесом. Но герой не сдастся, а приступает к реализации своего плана побега. А нелюбимая служба ему в этом поможет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	51
Глава 5	64
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Николай Живцов

Следак 3

Глава 1

– Бери что дают и не выживайся!

– Ты сказала выбирай, я и выбрал «Миру-Мир», – немного развернувшись, я прикрыл корпусом плакат от посягательств Грачевой, нашего комсорга, которая пыталась провести рокировку.

– Да это было из вежливости! Ты должен был взять «Слава Ленинскому комсомолу!». Он больше в два раза! Как я его, по-твоему, понесу?!

– С комсомольским задором, – подсказал я ей.

– Ну что у вас там?! Все готовы?! – мощный бас полковника Мохова накрыл гомонящую вокруг толпу сотрудников райотдела, тех, кому посчастливилось попасть на демонстрацию, посвященную празднованию Дня Великой Октябрьской Социалистической Революции.

По непонятной прихоти начальства я сегодня оказался среди них, а не на дежурстве или, еще хуже, в оцеплении. Вот и думаю с чего вдруг заслужил такое поощрение. Правда, сомнительное. Продрог уже весь, целый час своей очереди ждем.

– Тогда стройтесь в колонну и выступаем! – прозвучал долгожданный приказ начальника РОВД, который должен был ее возглавить, и мы к всеобщей радости сдвинулись с места.

Мерзли мы в самом центре города, куда нас доставили на служебных рафиках. Выгрузили среди таких же счастливичиков и Грачева принялась выдавать всем плакаты.

Сперва мне удавалось лавировать в толчее, избегая почетной миссии таскания громоздкой тяжести. Но опыта в таких играх у комсорга оказалось поболее моего, и в конце концов я был схвачен. К тому времени у Грачевой осталось нераспределенными лишь два плаката. Большой и тот, что поменьше. Разумеется, я выбрал второй.

– Чапыра, имей совесть! – не отставала от меня комсорг.

Из-за наших разборок мы с ней оказались в конце колонны, что уже втягивалась на главную улицу города. С обеих ее сторон нас приветствовало множество людей, размахивая красными флажками, а где-то впереди играла торжественная музыка.

– Так я ее имею, регулярно, – ответил я, поднимая плакат, как можно выше, чтобы Грачева до него не допрыгнула. Свой она держала вниз головой, уверяя, что он для нее тяжелый.

– Ты обязан мне подчиняться! – признавать поражение комсорг походу не умела.

– Я сказал стоп-слово, – попытался я отшутиться, но она, ожидаемо, не поняла, о чем я толкую, и продолжила насе-

дать. – И что я буду с этого иметь? – посмотрел я на нее задумчиво.

Форменный берет из-под которого выбивались светлые локоны, ей явно шел. Чистая, без единого изъяна кожа, голубые глаза, что сейчас сияли от гнева, плавная линия губ. А вот оценить по достоинству фигуру из-за кроя казенного пальто не получалось, так что пришлось полагаться на память, которая тут же нарисовала мне приятные округлости и стройные ножки комсорга.

– Вау! Да ты у нас красotka, – вынес я вердикт.

– Чапыра, ты пил что ли? – ее лицо разругалось и явно не от легкого морозца, что третировал нас с самого утра.

– Я пьян любовью, – вспомнилась где-то слышанная фраза. – На, держи, уговорила, – с этими словами я вручил ей свой плакат.

И понесла комсорг два плаката. Буквально пару шагов. Быстро опомнилась. Смахнула смущение, мобилизовалась и огрела меня по филейной части большим плакатом. Выше просто поднять не смогла.

– Ну, не на людях же, – подмигнул я вновь начинающей краснеть комсоргу. – Но намек понял, – ухмыляясь, я забрал у нее «Славу Ленинского комсомола».

За следующий час, что мы шествовали по проспекту в колонне я замерз окончательно, впрочем, как и все мои соседи. Светлана Павловна греть меня наотрез отказалась и отгородилась от меня Скворцовым, что тащил прославляющий

марксизм-ленинизм плакат. Из-за длины слов тот тоже был немалого размера, что меня как-то смиряло с мрачной действительностью. А глядя на тех, кто по двое нес плакаты-гиганты, так вообще радовался. Все же не зря я поначалу прятался от Грачевой.

Счастью участвовать в демонстрации наравне с остальными советскими гражданами, а не стоять в оцеплении, охраняя общественный порядок, сотрудники милиции, и присоединившееся к ним следствие, были обязаны инициативе областного управления органов внутренних дел. Высокое начальство посчитало, что милиции нужно быть поближе к народу, а еще лучше влиться в его ряды, чтобы плечом к плечу отпраздновать Великий День.

– У меня скоро уши от мороза отвалятся, – с этими словами Скворцов достал из-за пазухи фляжку и приложился к ней губами.

Шапка-ушанка, что входила в зимний комплект обмундирования, в завязанном виде уши не закрывала.

– Ну-ка быстро прекратить! – зашипела из-за его плеча Грачева.

– Это чай, – успокоил ее Вадим.

– А пахнет не чаем! – не поверила та.

– У тебя с обонянием просто проблемы, – предположил Скворцов.

– Нет у меня никаких проблем, а вот у тебя и твоего дружка будут! – воинственно пообещала нам Грачева.

– А я тут при чем? – опешил я. – Я, между прочим, плакат за тебя тащу, и только что с твоей стороны подвергался сексуальным домогательствам, – напомнил я комсоргу.

Скворцов подавился «чаем» и закашлялся. Пришлось стучать ему по спине.

– Мы обсудим твое поведение на ближайшем комсомольском собрании! – комсорг покраснела, как рак при варке.

– Может просто переспим? – попытался я разрулить ситуацию.

Скворцов ржал, пытаясь при этом не произносить ни звука, позабыв про плакат, который опасно накренился над Грачевой.

– Что там у вас? Совсем охренели?! – к нам развернулся нагруженный ликом вождя революции Курбанов.

– Они бухие! – заложила Скворцова комсорг и меня заодно приплела.

Курбанов, не разбираясь, покрыл всех матом и, продемонстрировав кулак, отвернулся.

– Нехорошо обманывать начальство, – попенял я комсоргу.

Та в ответ фыркнула и еще выше задрала свой острый подбородок.

Наконец-то мы это сделали – прошли путь от начала до конца. И остановились черте где.

– Где машины?! – непонятно кого-то конкретно или всех скопом спросил Мохов, так как при этом он крутился словно

волчок оглядывая окрестности.

Рафиков поблизости не наблюдалось. Хотя могли бы заранее подождать к месту выхода из парада.

От холода у всех уже губы посинели. Даже у тех, кто спасался горячительными напитками.

Мохов вышагивал туда-сюда-обратно и матерился.

– Можно мы уже домой пойдём? – раздалась первые робкие просьбы.

– Никто никуда не расходитесь! – опередила Грачева начальника, который уже замахнулся рукой, чтобы всех громко отпустить. – Вы отвечаете за выданные вам плакаты! Я не намерена одна их здесь сторожить! – комсорг обвела толпу недовольных сотрудников милиции гневным взглядом.

Минут через пять к нам подкатила черная «волга». Мохов, ругая водителя за опоздание, залез в салон, за ним рвануло начальство поменьше. Но мест хватило не на всех. Курбанова буквально на доли секунды опередил более юркий Лусенко, и пришлось заму из следствия провожать машину печальными глазами.

– Мне холодно, – всхлипнула Ирочка, что тоже мерзла среди нас, и Войченко загородил ее от ветра своим телом, за что получил поцелуй от девушки.

Следствие представляли только мы вчетвером, считая Курбанова, который сейчас притопывал по скованному льдом асфальту, пытаясь согреть ноги.

– Все, я домой, – сообщил я зевающему во всю пасть

Скворцову и что-то шепчущему на ушко Ирочке Войченко.

Пожал им руки, приставил плакат к фасаду дома и пошел в сторону остановки.

– Чапыра, вернись немедленно! – ожидаемо услышал я вслед.

Показывать даме средний палец было невежливо, поэтому я ограничился игнором.

– Чапыра! – это уже меня догнал громкий голос Курбанова. А затем и он сам развернул меня за плечо. – Ты не охренел?! – прорычал майор мне в лицо.

– Я замерз, – предложил я свою формулировку.

– Все замерзли! Но все дисциплинированно ждут машины! А ты демонстрируешь неподчинение. Не понимаешь что ли, раз ушел один, уйдут и другие?!

– Так пусть уходят, – не понял я предьявы. – Прошли колонной и ушли. В чем проблема-то?

– Чапыра мне все чаще начинает казаться, что ты специально всех злишь.

– Товарищ майор, я просто иду домой! Мероприятие закончилось. Где тут криминал?

– А плакат?!

– Он не мой, – отбрехался я от чужого имущества.

Курбанов еще что-то хотел сказать, но в этот момент возле нас остановилась очередная служебная «волга», но уже белого цвета.

– Альберт? – задняя пассажирская дверь приоткрылась,

и мы увидели Митрошина. Тот, как и все сегодня, был в форме, только прокурорской. – А я смотрю, ты, не ты. В форме вы все одинаковые. О! И товарищ Курбанов здесь.

– Здравствуйте, Борис Аркадьевич, – расплылся майор в радостной улыбке, показывая, как он счастлив встрече.

– Вы чего тут стоите? Демонстрация ведь уже закончилась. – Спросил нас заместитель прокурора.

– Лично я иду домой, – опередил я Курбанова.

– Подвезти? А то долго тебе придется идти, все подъезды к центру перекрыты.

– Даже не знаю, как вас благодарить, я так замерз, что скоро бренчать начну, – сказав это, я обошел машину и залез в нее с другой стороны от Митрошина.

– Руслан, вы с нами? – спросил прокурорский у Курбанова, а то тот застыл столбом, словно промерз насквозь.

– Да, конечно, – оттаял майор. – Минутку, – при этих словах, он развернулся. – Войченко, быстро сюда!

Когда следователь подбежал, Курбанов вручил ему свой плакат, который до сего момента не выпускал из рук.

– Без меня справитесь, не маленькие, – напутствовал он Дениса. А после занял переднее пассажирское сидение.

Я лишь молча подивился быстрой смене майором приоритетов, при представителе надзорного органа оставив эту его метаморфозу без комментариев.

– Слышал, слышал, ваше руководство решило, что в этом году милиции надо поучаствовать в демонстрации, – загово-

рил Митрошин.

Курбанов тут же поддержал тему, высказавшись о мудрости высокостоящих.

– И о твоей речи в университете тоже слышал, – Борис Аркадьевич развернулся вполоборота ко мне. – Говорят, после нее половина студентов захотела стать следователями.

– Это я настоял, чтобы с комсомольским поручением отправили именно Альберта, – вмешался, греющий уши, Курбанов. – Сразу разглядел в нем талант к публичным выступлениям.

– Ваша проницательность, Руслан Тахирович, подтверждает, что вы отличный следователь, – вежливо ответил на самопрезентацию заместитель прокурора.

– Вряд ли все они дойдут до отдела кадров, – подпортил я майору радостную картину, а то тот начал лучиться от похвалы.

– Но какой-то процент дойдет! – не сдавался Курбанов.

– Уверен, что не малый, – поддержал его Митрошин.

Мне было безразлично, и я отвернулся к окну. На улице сплошным потоком шли люди – возвращались пешком с демонстрации. Флажками уже не махали, двигались, подгоняемые морозом, целенаправленно.

– Вас где посадить? – поинтересовался Митрошин, – У отдела или там, где ваши празднуют?

– У отдела, мне там кое что забрать нужно, – в этот раз меня опередил Курбанов. Но я не возражал, значит переоде-

нужь в гражданку. Сперва собирался идти в форме домой, так как до него от центра города было ближе. А за праздничный стол меня, простого следака никто не звал.

– Прямо поражаюсь, – начал майор, когда мы покинули прокурорскую машину. – Вот что они все в тебе находят? Ты же недисциплинированный, плюющий на субординацию тип. В чем твой секрет?

– Я, товарищ майор, обаятельный, – открыто улыбнулся я Курбанову.

– Наглый ты и скользкий, а не обаятельный, – озвучил майор свое мнение, о чем-то задумался и спустя минуту, когда мы уже вошли в здание и подошли к окну в дежурную часть, продолжил. – Ты не куришь, Митрошин тоже не курит, – принялся он искать точки соприкосновения.

– Бросайте, Руслан Тахирович, и вступайте в наш клуб радующих за здоровый образ жизни, – потроллил я его.

Тот посмотрел на меня неприязненно, еще спустя секунду его глаза заискрились, а губы искривились в злой ухмылке.

– Это ты-то ведешь здоровый образ жизни? Да ты бухаешь как не в себе!

– Чего? – я даже остановился от такого наезда. Совершенно несправедливого.

– Устроил из квартиры притон! – продолжал накалять Курбанов. – Ты ведешь не здоровый, а аморальный образ жизни!

Хотелось бросить ему в лицо все, что я о нем думаю, а еще

лучше заехать кулаком, но я стиснул зубы, расслабил пальцы рук и спокойно произнес:

– Всего доброго, товарищ майор. С праздником вас, – после чего свернул в сторону дальней лестницы.

Остаток выходных я провалялся дома с котом в обнимку. Вставал лишь для того, чтобы выпить горячий чай с медом. После праздничного гуляния на морозе простыл и теперь мучился с горлом. Но ко вторнику полегчало, поэтому пришлось идти на службу.

На этаже бушевали страсти. Следователи по расследованию очевидных преступлений бегали в мыле, матерились и уводили из-под носа друг друга станки, которых у нас было всего два. Шел последний день отведенного им начальством срока для сдачи уголовных дел до Дня Советской Милиции.

Капитолина, когда я к ним заглянул, отмахнулась от меня, как от очередного навязчивого посетителя, бросив, что оперативки не будет, и я пошел по коридору дальше.

В нашем закутке царили тишина и покой. Как-то так получилось, что мы с Журбиной остались вдвоем. И да, я не считал себя виноватым в переводе Левашова, он сам стал причиной своих бед. Я его не провоцировал красть у меня удостоверение и начинать тем самым войну. Сам ее развязал, сам продул финальное сражение, вот пусть теперь и огребают.

Да, я не праведник, но и без причин никого не трогаю. Понятное дело, не все мои удары ответные, приходится наносить и превентивные, но ведь сами напрашиваются. Не ме-

шайте мне – целее будете. Черт возьми, я просто пытаюсь выжить в чужой для меня стране и найти путь ее покинуть. И я давно бы уехал, если бы процесс выезда за границу не был доведен здесь до маразма. Так что сами виноваты.

Резко прозвучавший звон вырвал меня из воинственных мыслей. Вздвогнув, я огляделся и увидел на полу разбитую вазу. Вот это меня торкнуло – даже не заметил, как швырнул ее в стену.

– Пиши объяснительную! – мое внимание от разлетевшихся по кабинету осколков на себя перетянула Грачева. Она ввалилась в мой кабинет, подбоченилась и с ходу принялась сулить мне всяческие неприятности, начиная паршивой характеристикой, заканчивая исключением из комсомола.

Я недоуменно слушал ее, раздумывая, на кой сдалась ей эта чертова ваза, и чего она так из-за нее взъелась, заодно, блуждал по ее фигуре взглядом.

– Не думай, что твоя выходка на демонстрации сойдет тебе с рук! – повела она перед моим лицом наманикюренным пальчиком. Видимо, концентрацию проверяла.

Стало яснее. Дело было не в разбитой вазе. Это комсорг с воскресенья все отойти не может. Да и, вообще, какие-то мы с ней оба нервные стали: я вазами кидаюсь, она орет, как не в себе.

– Нам нужно расслабиться, – обратил я свои мысли в слова.

Грачева сбилась.

– Что нам надо? – переспросила она.

– Расслабиться, – пришлось повторить.

– Ах расслабиться, – комсорг втянула побольше воздуха, чтобы вдарить по мне со всей силой голосовых связок. Но я ее опередил. Притянул девушку к себе и впился поцелуем в ее губы.

Канцелярские принадлежности полетели на пол к осколкам от вазы, когда я посадил ее на стол, и придали обстановке еще больше хаоса. Далее к ним присоединились оба пиджака, затем женские туфли, колготки и трусики. Продолжать захламлять кабинет мы не стали. Уже не было сил сдерживаться.

– Думаешь, никто не слышал? – спросила она, когда пришла в себя.

– Без понятия, – выровняв дыхание, ответил я.

Комсомольская активистка оказалась горячей штучкой. Вот так бы свои собрания проводила, глядишь, я бы их не пропускал.

– Это было неправильно, – принялась она морализаторствовать.

– Ожидал услышать «потрясно», но да ладно, – я отвалился от стола и начал приводить одежду в порядок.

– Обиделся? – девушка попыталась заглянуть в мои глаза.

– Еще как, – не стал я уверять ее в обратном. – Спрошу с тебя как-нибудь компенсацию за моральный вред.

– Хорошо, спроси, – прикусив губу, она улыбалась.

– Подожди, не слезай, – остановил я ее. – Сейчас туфли подам.

Грачева посмотрела вниз и только теперь увидела раскиданные по полу осколки от вазы.

– Это мы ее разбили? – потрясенно спросила комсорг.

– Ага, в порыве страсти, – я ухмыльнулся.

Девушка смутилась. Поэтому расставание вышло скромным. Грачева спешила покинуть гнездо разврата.

Закончив приводить себя в порядок, я занялся кабинетом. Открыл окно на проветривание, достал веник и приступил к уборке.

Скрыть следы успел вовремя.

Зашла Журбина, окинула кабинет всеподмечающим взглядом, к чему-то принюхалась, с подозрением осмотрела меня с ног до головы, поморщила лоб, слегка тряхнула головой и, наконец, пришла к выводу, что ей показалось.

– Ты уже знаешь, что тебя поставили десятого на дежурство? – спросила она.

– Теперь знаю, – не особо радостно отозвался я. Опять мною закрыли дыру, прям, повторяю судьбу Кривощекова.

– Так вот, Альберт, – Журбина придала голосу строгости. – Очень тебя прошу ни во что не вмешивайся. Не устраивай в городе погонь, ни в кого не стреляй и по возможности не покидай пределы здания, а еще лучше, своего кабинета. Решается вопрос об утверждении меня в должности и мне не нужны новые проблемы. Ты меня понял?

– Вполне, – кивнул я. – Обещаю, что дежурная смена будет выковыривать меня из кабинета. По собственной воле я отсюда ни за что не выйду.

– Тааак! – в голосе начальницы прорезались гневные нотки. – Вот этого не надо! Не смей доводить мою просьбу до абсурда! Я просто прошу тебя отдежурить в кои-то веки спокойно!

– Людмила Андреевна, расслабьтесь, все будет хорошо, я приложу к этому все усилия.

Несмотря на мои искренние заверения, начальница застонала.

Глава 2

Напряжение вчера сбросил и теперь спокойный сижу, жую котлету. Из кабинета, как и было обещано Журбиной, не выхожу. Оформил принесенные мне за утро материалы и теперь под бубнеж радио обедаю.

На днях в паре кварталов от дома случайно наткнулся на кулинарию и с удивлением обнаружил, что в ней продавали не только выпечку, но и полуфабрикаты и даже готовую еду.

Сам я готовить не особо люблю, тем более заниматься этим изо дня в день. Поэтому с ходу затесался в ряды постоянных клиентов. Моя необычная для этого времени приветливость оказалась полезна и в общепите. Вчера, задержавшись на работе, я пришел в кулинарию, когда там уже все раскупили. Можно было разворачиваться и уходить, но тут передо мной явилось чудо. Продавец, суровая баба в теле, расцвела при моем появлении и, проворковав грудным голосом «Минутку, молодой человек», вынесла из подсобки специально для меня собранный набор продуктов. Я аж обалдел от такого сервиса. Успел уже поотвыкнуть и вот нарвался. Пришлось благодарить и делать комплименты, от которых продавщица вся зарделась, а я под обстрелом призывных взглядом начал пятиться к выходу.

По радио закончился концерт, и дикторы, мужчина и жен-

щина, вновь принялись поздравлять сотрудников милиции с их профессиональным праздником, но в это раз зачитывали слова благодарности уже не от руководителей страны, а от простых советских тружеников: ткачих, сталеваров и далее по списку.

Минут десять и с поздравлениями закончили, но вместо продолжения концерта началась передача о детско-юношеском туристическом клубе с непонятным названием Чергид.

Я как раз доел последнюю котлету, вышел из-за рабочего стола и собрался прогуляться до туалета.

– Расшифровывается очень поэтично «Через реки, горы и долины», – задорным голосом продолжала вещать ведущая. – Вот уже десять лет, как участники клуба, юные пионеры ходят в походы по Ставропольскому краю, где их учат ставить палатки, разводить костер и готовить на нем еду. А руководит этим замечательным клубом мастер спорта по горному туризму Сливко Анатолий Емельянович. Товарищ Сливко является членом коммунистической партии с 1973 года...

Возле самой двери я словно завис, пытаюсь выудить из памяти что-то глубоко в ней засевшее.

– Сливко, Сливко, – проговаривал я, начав расхаживать по кабинету. – Да это же маньяк! – я резко остановился.

На криминологии мы изучали серийные убийства и психологию лиц их совершающих, а Сливко, наряду с другими маньяками, был одним из наших учебных пособий.

И что мне с этим знанием делать? Поделиться с кем-то или самому отрабатывать? Вот только законных оснований влезть в расследование убийств у меня не было. Служу я не в Ставрополе, где живет Сливко и я не прокурорский следователь.

– Чертово радио, – сплюнул я и вновь принялся наматывать круги по кабинету. И без того проблем выше крыши, еще и это. Лучше бы не слушал его.

Сгонять что ли в Ставрополь? Хотя Сливко вроде не из столицы края. Впрочем, узнать его местожительство не проблема. Больше волнует, как я объясню местным правоохранителям свои знания. И как их убедить провести у него обыск и найти киноматериалы, которые маньяк наснимал за десять лет истязаний и убийств? Прикинуться случайным свидетелем его зверств тоже не выход. Я банально не помню точных дат совершения им преступлений.

Неожиданно заработала громкая связь, следственно-оперативную группу вызвали на кражу и мысли о маньяке пришлось отложить.

То, что дело сильно запутано, я понял, как только мы прибыли по адресу. На первый взгляд ничего необычного коммунальная квартира, куда мы вошли, в себе не таила. Но так думалось ровно до того момента, как старуха, что нас вызвала не подвела к своей комнате.

Мы со Скворцовым и экспертом-криминалистом Котляр в недоумении уставились на дверную ручку, что была опута-

на нитками.

– Это что? – первой спросила о непонятном Инна.

– Пряжа. Я из нее носки вяжу, – охотна пояснила старуха-божий одуванчик. Маленького роста, сгорбленная, с морщинистым лицом и седыми волосами под головным платком. Кроме цветастого платка на ней был старый потертый плащ. Опиралась Лукерья Матвеевна Прошкина на тросточку, а на пол возле ее комнаты была сгружена заполненная продуктами холщовая сумка.

– Вернулась я, значит, из магазина, – принялась она объяснять дребезжащим от старости голосом, – а узелков-то не десять, а всего восемь! – посмотрела она на нас со значением. – Я давно Катьку подозреваю, что та у меня вещи ворует, – старушка обвинительно качнула тростью в сторону соседской двери.

Та мгновенно открылась и на пороге материлизовалась дородная женщина лет пятидесяти с накрученными на бигуди волосами и в домашнем, длиною до самых тапок, халате.

– Да что вы слушаете эту ненормальную?! Она уже всех замучила с этими узелками! Вы у участкового нашего спросите, сколько раз он с ней их пересчитывал. Уходит – завяжет, приходит – считает. Жизни совсем от нее не стало! – последнее соседка уже кричала.

– Узелки я завязываю, чтобы точно знать, лазила ты в мою комнату или нет! Вот сегодня я завязала десять, а пришла – узелков восемь. Значит лазила! Чего украла, говори!

– Ничего я у тебя, ненормальная, не крада! – выпучив глаза, закричала соседка.

– Товарищи милиционеры сейчас разберутся! – в ответ победно крикнула старуха.

А мы втроем стояли и хлопали глазами, смотря на эту перепалку.

– Лукерья Матвеевна, что у вас пропало? – вспомнил я о том, зачем мы сюда приехали.

– Так я, милоч, не знаю, – неподдельно удивилась старуха моему вопросу.

– Вы позвонили в милицию и заявили о краже, – терпеливо напомнил я ей.

– Да, звонила, – и не подумала она отпираться. – Я же вам объясняю, – посетовала старуха на нашу несообразительность, – когда я уходила, завязала десять узелков, а пришла – их уже восемь! А значит в комнату опять эта прошмандовка лазила! – потерпевшая ткнула в сторону соседки основанием клюки.

– По-моему она не в себе, – к моему уху наклонился Скворцов.

А то я не вижу. Но просто так уйти тоже не могу.

– Лукерья Матвеевна, открывайте дверь. Будем устанавливать, была ли кража, – не обращая внимания на вытянутые лица коллег, попросил я старуху.

Да, я тоже не в восторге от того, что вместо разоблачения маньяков, должен какими-то узлами на нитках заниматься.

Но, если начал, то надо доводить дело до конца.

Провозившись с мифической кражей больше часа, мы наконец покинули нехорошую квартиру и вышли во внутренний двор, где царила вечерняя тишина. Еще бы куривший рядом с машиной сержант Крапивин не загрязнял воздух, было бы совсем умиротворяюще.

Заработавшая рация прервала короткий отдых, и пришлось возвращаться к работе.

– Какая баба? Ничего не понял, – водитель пытался дознаться до сути сообщения. – Голая? По улице бегают? Ну а мы тут при чем? Патрульных к ней посылай. Ясно. Едем, – Крапивин матюкнулся, но уже не в прямой эфир, – Все машины заняты, а мы ближе всех, – огласил он нам результат переговоров с дежурной частью.

– Ну хоть на голую бабу посмотрим, – отозвался с заднего сидения Скворцов.

– Ага, больше с этой гребанной работой голых баб и увидеть негде, – поддержал его хохотом Крапивин.

– Ты же женат, – напомнила ему Котляр.

– Жена с крохой к теще уехала. Сказала, что ноги ее в этой общаге больше не будет. Так что мне кровь из носа надо малосемейку получить. А то буду как Скворцов каждой голой бабе радоваться, – вновь заржал сержант.

Котляр, поморщив носик, уставилась в окно.

Минут через пять мы увидели, ту, которую искали. В глубине квартала из пятиэтажек по второстепенной дороге бе-

жала девушка. Преследующие ее двое парней, играя с жертвой, то и дело хватали бегунью за руки, дергали за косу, пихали в спину, от чего девушка спотыкалась, но упорно двигалась вперед. Абсолютно голой она не была. Но не считать же за полноценную одежду разодранный свитер, что едва закрывал ее бедра. Обувь у нее и вовсе отсутствовала, и по стылому асфальту она бежала в носках.

Позади странной процессии на малой скорости ехали белые жигули, светили фарами и время от времени подавали сигналы, заставляющие девушку вздрагивать и ускоряться.

Откуда-то с обочины раздавались возмущенные женские крики, но из-за темноты самих женщин, что требовали прекратить безобразие, видно не было.

– Они что охренели? – Крапивин резко затормозил, а мы со Скворцовым выпрыгнули из автомобиля.

– Милиция! Всем стоять! – Вадим двинул наперерез странному трио.

– Какие-то проблемы, ментяра? – один из парней, в причудливом мексиканском пончо с бахромой дернулся в сторону Скворцова и тут же напоролся на точный удар в солнышко. Хекнув, он сложился пополам. А Вадим уже разбирался со вторым, который начал замах – незатейливо пробил ему в подбородок, и подельник «мексиканца» поплыл.

Вот только праздновать торжество правопорядка было пока рано. Тачка, что катила позади девушки и преследующих ее парней, резко затормозила и оттуда выпрыгнули еще двое.

Такие же молодые и наглые, в модных джинсах-клеш. И с ходу принялись качать права, угрожая нам расправой.

– Стоять, бояться! – это уже я достал пистолет и выстрелил в воздух, сетуя про себя, что опять придется отписываться за применение оружия.

Модники затормозили, не спуская взглядов с наставленного на них ствола.

– Да ты знаешь кто мой отец?! – восстановив дыхание, «мексиканец» сразу же принялся угрожать Скворцову, который как раз паковал его в наручники. – Завтра же на улице окажешься!

– Не с теми вы, ментяры, связались! – брызгал слюной один из тех, кто был у меня на прицеле. – Мой батя лично с вас погоны сдерет!

– Сержант, подкрепление вызывай! – крикнул я, не оглядываясь, чтобы не выпускать никого из местных мажоров из виду.

– Уже! – сзади отозвался водитель.

– Я Сергей Пахоменко! – не унимался закольцованный.

Крапивин подошел со вторыми наручниками, и они со Скворцовым надели их на того, что словил удар в челюсть.

В это время подъехал наряд ППС, и только тогда я убрал ствол.

– Рассказывайте, что случилось? – подошел я к потерпевшей. Но та меня словно не видела и не слышала.

– Да она пьяная, – фыркнула Котляр, что вылезла из слу-

жебного авто.

– В больницу ее надо, – принял я решение. – Сержант вызывай скорую, – повернулся я к нашему водителю, что уже курил возле уазика.

Тот кивнул и полез в салон за рацией.

– У вас у всех будут проблемы! Я вам это обещаю! – местные мажоры все никак не желали утрамбовываться в служебную машину патрульно-постовой службы.

– Чего с ними делать? – подошел ко мне старший наряда.

– В отдел вези, оформлять будем, – отвечая, я смотрел на приближающуюся к нам парочку женщин. Это именно они кричали, требуя отстать от девчонки.

– Ну смотри, старший-то ты, – напомнил мне сотрудник ППС.

– Помню, помню, – моим вниманием полностью завладели подошедшие свидетели. Те как раз принялись выливать на меня свое возмущение за творившиеся на улицах города бесчинства.

– Девчонка из их машины на ходу выпрыгнула, – показывала одна из свидетельниц на белые жигули. – А эти за ней погнались, – ткнула она пальцем в служебную машину, куда запихивали мажоров.

– Вы ее знаете? – спросил я свидетельниц.

Обе женщины потерпевшую не опознали, как и преследовавших ее парней.

– Не наши они, пришлые, – уверенно заявили они и вновь

начали причитать о падении нравов у молодежи.

– Заявление о нарушении общественного порядка будем писать? – включил я на полную свое обаяние.

Это заявление от равнодушных граждан понадобится мне, чтобы отбить первый удар начальства. А он обязательно на меня обрушится, как только с Моховым свяжутся папаши местных «золотых мальчиков».

Нафига мне потребовалось злить городских бонз? На то у меня было сразу три причины. Первая, она же официальная, то есть для широких масс – служебная. Сотрудники милиции должны пресекать нарушения общественного порядка. Вторая – личная. Я услышал знакомую фамилию. Ту самую, что была в заявлении эмигрировавшего на историческую родину Олейника. А третья причина была напрямую связана с Шафировым. Чтобы выстраивать с ним отношения мне было нужно понимать, реально ли тот настроен на борьбу с коррупцией или ограничится лишь теми мздоимцами, что мешают ему или его дружку Свиридову. У меня ведь тоже есть свои планы, и чтобы их осуществить мне придется тщательно просчитывать все свои шаги. А для этого надо знать с кем я имею дело. И желательно к тому моменту, когда мы с ним начнем обговаривать условия нашего сотрудничества. Тот разговор в парке был лишь предварительным. Тогда полковник, по идее, лишь вербанул меня. А вот предметно мы с ним общаемся чуть позже. Шафиров обещал организовать встречу после праздников. На ней, по его за-

думке мы должны будем обсудить работу будущего подразделения по борьбе с коррупцией.

Когда вернулись в отдел, я первым делом проконтролировал, чтобы дежурный зарегистрировал заявление от гражданки Мальцевой. Одну из свидетельниц хулиганства, я сделал потерпевшей. Описал ее моральные страдания от увиденного на половину листа. Вторая половина была посвящена перечислению преступных действий представителей золотой молодежи, а заканчивалось заявление требованием привлечь виновных лиц к уголовной ответственности.

Затем засадил всех сотрудников, участвовавших в задержании писать рапорта. После чего отозвал Скворцова в сторону.

– Вадик, дуй в больницу, куда потерпевшую увезли, – озадачил я его. – Нужны хоть какие-то медицинские документы о ее состоянии. Даже справка об ушибах подойдет.

– Может лучше я с этими поработаю? – он кивнул на клетку, куда запихали мажоров. Те спокойно не сидели, бесновались и грозились всех уволить.

– Не надо, ты уже отличился, – я усмехнулся, глядя на опухшую челюсть одного из них.

– Сам-то, блин. Думал опять за трупы придется отписываться, – в ответ поддел меня Скворцов.

– Чапыра, нахрена ты их сюда притащил?! – подошел ко мне Коля Кравцов, старший дежурный.

– Отпустить надо было? – не понял я наезда.

– В медвытрезвитель надо было их сбагрить!

– Не додумался, извини, – покаялся я.

Кравцов вздохнул, покачал головой, выражая так мне свое недовольство, назвал салагой и, наконец, взял деловой тон:

– Ладно. Сейчас отправлю. И еще. Я буду вынужден сообщить о них Мохову.

– Делай, что должен, – теперь уже вздохнул я, понимая, что разборки с начальником райотдела все равно не избежать, а значит надо готовиться к ним придется более основательно. Для этой цели перехватил намылившуюся улику из дежурки Котляр, и потащил ее осматривать машину хулиганов.

Расплата явилась ко мне утром. Было шесть утра, о чем радостно пропиликало радио, а в мою дверь уже стучали.

– Чапыра, открывай! – узнал я голос Головачева.

Встал с разложенного кресла-кровати, широко зевнул, потянулся, сделав пару разворотов корпусом, надел ботинки и пошел сдаваться.

– Докладывай! – начальник следствия влетел в мой кабинет.

Еще раз зевнув, я встал по стойке смирно и начал вещать сплошь служебными формулировками, правда, спроне изрядно разбавил их выражениями из своего времени.

– Согласно справке дежурного врача районной больницы, у гражданки Беловой многочисленные ушибы мягких тканей по всему телу. Согласно показаниям граждан Мальце-

вой и Семенюк, побои нанесли Беловой задержанные Пахоменко и Шилов. Согласно осмотра автомобиля ВАЗ 2106 г/н... в салоне обнаружены женская одежда со следами бурого цвета.

– Девка та протрезвела, – перебил меня Головачев, – и сейчас говорит, что они просто играли с друзьями, никаких претензий она к ним не имеет и заявления писать не будет.

– Понятно, – пожал я плечами. Такое развитие событий я и предполагал с самого начала.

– Стрелял-то ты в них зачем? – перешел к другому вопросу подполковник.

– Я стрелял в воздух, – отмел я оговор.

– А они утверждают, что ты в них целился!

– Вы верите пьяным хулиганам, а не вашему сотруднику? – удивился я.

– Ты, кстати, зачем их в вытрезвитель отправил?! – нашел новый повод придраться подполковник.

– Так чтобы алкогольное опьянение засвидетельствовали.

– Отпустили их оттуда, выдали родителям на руки, – просветил меня Головачев.

– Кругом коррупция, – посетовал я.

Мою фразу подполковник проигнорировал, зато выкатил новую претензию.

– Неужели нельзя было без мордобоя обойтись?

– И стрельба в воздух, и применение физической силы – это вынужденные меры для сдерживания агрессивного настро-

енных правонарушителей, – глубокомысленно заявил я.

– Опять умничаешь, – Головачев смотрел на меня без симпатии. – Рапорт пиши, да к Мохову пойдем, он нас уже ждет, – подполковник вздохнул и опустился на стул.

– Написал уже, – найдя на столе напечатанный рапорт, я протянул его начальнику.

– Принуждение к правопорядку? – прочитал он еще одну из моих формулировок.

– Так точно, – подтвердил я.

Головачев что-то проворчал себе под нос, поднялся со стула и направился к двери.

Мохов бушевал. Дежурная смена в полном составе ему молча внимала. Здесь были все: и водитель, сержант Крапивин, и Вадик Скворцов, и Коля Кравцов из дежурки, и старший наряда ППС старший сержант Ермолаев.

– Потерпевшие требуют, чтобы вы все были наказаны! – далее полковник наградил нас всех эпитетами, исключительно из матерных слов.

– Потерпевшие? – уточнил я.

– Да, потерпевшие! Которых вы избиили, в которых вы стреляли, на которых вы незаконно надели наручники и отвезли в медвытрезвитель!

– По документам они проходят как лица, участвующие в преступлении, предусмотренном частью второй статьи двести шестой уголовного кодекса, – изложил я свою версию.

– Не было никакого хулиганства! – прокричал мне в лицо

Мохов.

– А заявитель и свидетели есть, – не отвел я взгляда.

– Ты, Чапыра, доиграешься до сто семьдесят первой, – предупредил он меня. – Хочешь сесть за превышение служебных полномочий?

– С чего вдруг я сяду? Мне есть, что сказать и прокурору и суду, и общественности, – ровно ответил я.

– Вижу, ты не понимаешь! – процедил он и вновь принялся материться. – Завтра же! Слышите?! Завтра же, чтобы извинились перед людьми! – полковник обвел нас всех гневным взором. – Иначе Пахоменко надавит на свои связи в прокуратуре и даст делу ход! – озвучил он последствия.

Выходили из кабинета начальника РОВД все подавленными.

– Ну все, малосемейку мне не видать, – сплюнул с досады Крапивин и первым зашагал в сторону лестницы.

– Вот объясни мне, Альберт, почему возле тебя постоянно творится какая-то хрень? – устало спросил меня Головачев.

– Не могу знать, товарищ подполковник, – я тоже устал, а надо было еще одно дело проверить. – Вы мне рапорт на отгулы взамен неиспользованных выходных подпишите? – не стал я тянуть.

– Какие у тебя могут быть неиспользованные выходные?! – вновь начал заводиться Головачев.

– По закону положенные. После каждого дежурства мне полагается два выходных, а я беру только один день. Поэтому-

му четыре дня у меня накопилось, – доходчиво объяснил я, пока мы поднимались на свой третий этаж. – Так я принесу рапорт? – добавил я в голос просительных нот.

Подполковник хотел высказать мне все, что думает о моих доводах, но неожиданно махнул рукой.

– Неси. Нам тоже от тебя отдохнуть не помешает. Да и будет лучше, если пару дней ты в отделе не появишься.

– Спасибо! – обрадовался я и понесся к своему кабинету, пока начальство не передумало. Поездку лучше не откладывать.

Глава 3

Из здания РОВД я вышел в восемь утра, когда кроме нового дежурного следователя и Головачева на нашем этаже никого еще не было. Подполковник самолично забрал у меня возбужденные за дежурные сутки дела, в том числе и пресловутое хулиганство. Не стал спрашивать, что он с ним намерен делать. Зарегистрирует или засунет глубоко в стол, а может сразу выбросит. Но если не дурак, то сохранит. Все же собранные мною за ночь материалы хоть какая-то, но страховка Отдела от связей Пахоменко, которыми Мохов всех нас страшал. Но я тоже не стал оставлять все на откуп начальства. Забрал с собой копии процессуальных документов, что писал под копирку. Сейф, как недавно выяснилось, не самое надежное место для хранения тайн.

Дошел до автобусной остановки и поехал в центр города в авиакаissy. Поезд, как транспорт, я не рассматривал, слишком долго, а у меня нет столько времени. Кота надолго одного не оставишь. Поэтому я выбрал самолет.

Правда до Ставрополя рейсов не оказалось.

– Есть до Минеральных Вод на сегодня в пять вечера, – предложила вариант девушка в окошке. – Оформлять?

Пришлось соглашаться.

– С вас двадцать три рубля, – озвучила она стоимость, даже не спрашивая про багаж, а отвечая на мой вопрос, удивив-

ла. – Если багаж меньше двадцати килограмм, то оплачивать не нужно.

Даже стало обидно, что багажа у меня не будет. Для короткой поездки хватит и ручной клади. Решил взять с собой рюкзак со сменкой и куртку. Все же на юг лечу, а там теплее.

Заскочил домой собрать вещи, пообедать с котом, а затем двинул в аэропорт. По старой привычке приехал заранее и просчитался. Никакой досмотровой техники в это время еще не было, так что показал билет с паспортом, получил талон на посадку и прошел в зал ожидания. Процедура заняла ровно пятнадцать минут.

Остальное время до вылета пришлось дремать. Без гаджетов, бара с напитками и дьюти фри здесь было скучно. Ну хоть на посадке развеялся. К выходу из терминала автобус не подъехал, и до самолета пришлось добираться пешком по летному полю.

Летели на ТУ-104. Мое место оказалось у прохода, из-за чего поспать не удалось. То уши закладывало, то женщина с ребенком, что сидели у окна, просили их выпустить и пропустить обратно.

Приземлились в Минеральных Водах мы через два часа. В этот раз к трапу подали автопоезд с небольшими вагонами на двенадцать посадочных мест каждый.

На выходе из аэропорта заметил кафе «Пиво-Воды» и завернул к нему. Перед дальнейшей дорогой не мешало подкрепиться. Путь мой лежал на железнодорожный вокзал, где

я планировал обратиться в справочное бюро.

Расчет оказался верным. Информацией я разжился и даже узнал главную достопримечательность, которую вплелу в свою легенду. Она как раз находилась возле Невинномыска, конечного пункта моего путешествия. Именно там располагался клуб «Чергид», а значит обитал и Сливко.

С полчаса полюбовался на здание железнодорожного вокзала, побродил вокруг бронзового орла с раскрытыми крыльями, что возвышался на постаменте внутри колоннады. Затем полтора часа на электричке, и я на месте. Все хорошо, да только на дворе уже ночь.

В этом маленьком городке такси возле вокзала не дежурило. Но мне повезло, я увидел патрульную машину.

Подошел, представился, поговорили о службе, а затем коллеги подвезли меня до гостиницы.

– Свободен только самый дорогой номер, – произнеся это, администратор за стойкой выжидающе на меня уставилась.

Сперва мест для некомандировочных не было вовсе, но червонец сотворил чудо, и я вселился в номер без звезд по современной мне категории.

Вот такой вот реализм по-советски – багаж бесплатно, а гостиница только за дополнительную плату.

Наличие собственного санузла порадовало. Остальным постояльцам повезло меньше, для них туалет был общий на этаже.

Утром, позавтракав в столовой напротив, я отправился

искать Дворец Химиков. Как подсказали тетки на остановке общественного транспорта, тот располагался в новой, активно застраиваемой части города.

Первое, что я увидел, когда добрался на автобусе до места – это Доска Почета, которая была установлена аккуратно перед дворцом. На одной из фотографий самых достойных жителей города был и Сливко.

Казавшийся еще вчера приемлемым план изобличения маньяка теперь уже оценивался мною как полная хрень. Стало очевидно, что никто не станет проводить обыск у члена КПСС, ударника коммунистического труда и депутата Невинномысского горсовета. Именно об этом гласила надпись под его фотографией. Особенно по требованию какого-то мутного типа.

Но не улетать же мне обратно ни с чем. Так что, отбросив сомнения, я вошел в здание.

– Сливко Анатолий Емельянович? – спросил я единственного мужчину в зале со стенгазетами на туристическую тематику.

На вид ему было лет сорок. Выглядел обычно, без какого-то безумия или злости в глазах.

– Да, это я, – Сливко в ожидании на меня уставился.

– А меня Альбертом зовут, и я к вам с просьбой, – протягивая руку для рукопожатия, сообщил ему я. Ничего, не отсохнет, для дела надо.

Руку он пожал, но продолжал смотреть на меня вопроши-

тельно, даже с некой досадой, типа я ему мешал.

– Вот собираюсь подняться на гору Стрижамент и пришел спросить у вас совета по поводу маршрута, – улыбаясь, сообщил ему о цели визита.

Сливко поджал тонкие губы, но помочь согласился.

– Давайте карту, проложу, – со вздохом произнес он.

– А вы со мной сходить не хотите? – спросил я, доставая из внутреннего кармана куртки, купленную еще в Минеральных Водах карту района.

– Я? – удивился Сливко. – Нет, я не вожу туристов, только участников клуба.

– Жаль, мне сказали, вы мастер спорта по горному туризму.

– Да, это так, но как я вам уже сказал, я занимаюсь исключительно делами клуба, – вернул он мне улыбку за мастера, после чего склонился с карандашом над моей картой, которую расстелил на столе.

В то время пока Сливко прокладывал мне маршрут, в зал вошли несколько подростков мужского пола.

– Здравствуйте, Анатолий Емельянович, – радостно поздоровались они с маньяком. И столько в их взглядах, направленных на него, было обожания, что даже у меня, человека не особо впечатлительного, свело скулы. Ведь среди них вполне могли быть те, кого он подвергал пыткам, называя те секретными экспериментами.

Попрощавшись, я вышел в коридор и огляделся. Где-то

в этом здании маньяк прятал улики с мест преступлений. Предстояло отыскать его схрон.

Проверить здание полностью, заглядывая по очереди в кабинеты, мне бы никто не позволил. Шел рабочий день и по коридорам сновало полно народу. Да и необходимости в этом не было. Улики должны быть у маньяка под рукой. Значит надо искать где-то здесь, среди помещений, занимаемых клубом.

Начал я осмотр с ближайшего пустовавшего сейчас кабинета, но никаких потайных дверей, ясное дело, не нашел. Разочарованный вернулся и вошел в следующее помещение с большим столом посередине и шкафами вдоль одной из стен. Тоже ничего. Уже собирался уходить, когда наткнулся на дверь со знаком «Не влезай – убьет!». Толкнул ее плечом, но та оказалась заперта.

Уже второй раз в этом времени я пожалел, что не умею открывать замки. Надо хоть у Скворцова что ли попросить консультацию. Если, конечно, вернусь.

Додумывал я это глядя в холодные глаза Сливко.

– Что вы здесь делаете? – еще контролируя себя, спросил он.

Мы стоим в дальнем конце кабинета, до коридора далеко, а маньяк перегородил мне путь к выходу.

– Туалет ищу, – улыбнулся я открыто. – Не подскажите, а то я заплутал.

– Кто ты такой? – его глаза сузились, Сливко сделал по на-

правлению ко мне еще один шаг.

Похоже интуиция у него, как у зверя. Не зря же он за мной поперся, и видно, что ни капли мне не верит.

– Турист, – ответил я, готовясь прорываться.

Сливко оказался быстрее. Буквально смял мой блок, впечатал своим весом в стену и стал сдавливать мне шею локтем.

Поступление воздуха в легкие прекратилось, я начал задыхаться. Охотничий нож, что захватил с собой из дома ради легенды, как назло, лежал сейчас вместе с рюкзаком в гостиничном номере. Так что первым моим порывом было убрать от себя его руку, что меня душила, но все было бесполезно, а силы вместе с кислородом иссякали. Пришлось хватать Сливко за яйца, благо он был не в новомодных джинсах, как я, а в обычных брюках. Выкрутил кисть, и маньяк заверещал. Да так, что эхо прокатилось по всему этажу.

– Эй, что у вас здесь происходит? – раздались возгласы.

Я, привалившись к стене, пытался восстановить дыхание, Сливко сложившись в поясе, прижимал ладони к промежности. Вот такая картина предстала перед прибежавшими на крик. И все это усугублялось тем, что никто из нас и слова не мог вымолвить. Я кашлял, а Сливко скулил.

Народу же набежало немало, в том числе и юные пионеры из туристического клуба.

Прибывшие рассудили по-свойски. Сливко был своим, а я чужаком. Поэтому маньяку ринулись помогать, а меня затер-

ли в угол и велели не дергаться.

– Милицию вызывай, – услышал я.

Сливко на это предложение что-то пробубнил невразумительное, мотая головой из стороны в сторону, показывая, что против.

– И фельдшера! – прокричали вдогонку.

Пока мы всех ждали, а я отходил от последствий удущья, осмотрелся. В кабинете с таинственной дверью, осталось, не считая нас с Сливко, трое. Всех остальных, включая школьников, прогнали.

Первым из представителей власти прибыл участковый в звании лейтенанта милиции.

– Что здесь произошло?! – строго спросил он.

– Этот человек на меня напал, – опередил я Сливко.

– Он вор! – выкатил встречное обвинение маньяк. – Я заметил, что он здесь шастает и пошел узнать, чего ему надо, – продолжил маньяк выстраивать версию.

– И на всякий случай решил меня задушить, – перебил я его. – Я товарищ лейтенант туалет искал, а этот ваш Сливко напал на меня и попытался в электрощитовую затащить.

– Вы что верите какому-то проходимцу?! – возмутился Сливко, когда участковый и трое мужиков, что меня охраняли усталились на указанную мною дверь.

– Ваши документы, – подошел ко мне участковый, коренастый мужчина, перешагнувший тридцатилетний рубеж.

– Товарищ Харламов, немедленно арестуйте его! – затре-

бывал маньяк.

Пришлось светить ксиву, а то ведь реально загребут.

– Следователь? – брови лейтенанта поползли вверх.

Сливко резко умолк и теперь смотрел на меня настороженно.

– И как вы здесь оказались? – вернул участковый мне удостоверение. С его разрешения я перебрался за стол и устроился на одном из стульев.

– На самолете прилетел, – правду говорить легко.

Сливко еще больше напрягся. Участковый же не озвучил пункт вылета. Поди Москву напридумывал.

В это время в кабинет вошли патрульные. Ими оказались те, что довезли меня вчера до гостиницы.

– Здорово, турист, – поприветствовали они меня. Им то я уже успел скормить легенду о восхождении на местную гору.

– Надо открыть электрощитовую, – заявил я, когда патруль выслушал странный рассказ участкового.

– Вы не имеете права! – вскинулся Сливко. – Я член КПСС! Я буду жаловаться! Завтра же все с погонами распрощаетесь!

Последнее я недавно уже слышал, отчего не смог сдержать усмешки.

– Слушай, ты конечно, следак, но здесь у тебя нет полномочий, – сообщил мне старший патруля по фамилии Бойко.

– Зато у него есть, – посмотрел я в глаза участковому. – Просто откройте эту дверь. За ней же не жилое помещение,

так что полномочий у вас на это хватит.

– Зачем мне ее открывать? – набычился Харламов. Портить отношения со Сливко ему явно не хотелось.

– Там трупы, – мои слова были встречены тишиной. Реакция оказалась предсказуемой, но озвучь я другую версию, ее бы восприняли не так серьезно.

– Какие трупы? Что ты несешь?! – первым собрался с мыслями Бойко.

– Разной степени разложения, – уверенно сообщил я в обалдении смотревшим на меня людям.

– Он ненормальный, – озвучил общую мысль Сливко. – Нет там никаких трупов!

– Так докажи! – подначил я его. – Открой дверь и докажи!

– Уведите его отсюда, немедленно! – тот не повелся и в свою очередь попытался надавить на участкового и патрульных.

– С чего ты взял, что там трупы? – спросил меня Бойко. То ли чуйка сыграла свою роль, то ли не хотел выполнять приказ гражданского.

– Сливко грозился меня там повесить и снять мою казнь на кинокамеру, и он сказал, цитирую дословно «тебе это понравится, как и всем остальным». Понимаете? То есть у него уже были жертвы, – произнес я проникновенно.

– Я ему этого не говорил! – закричал Сливко. – Врет он все!

– Так открой дверь и докажи! – наехал я на него в ответ.

– Я требую, чтобы вы все отсюда ушли! – распаялся Сливко. – Требую! Слышите! Иначе я напишу на вас всех жалобу!

Стражи порядка под его натиском поплыли.

– В городе за последние годы пропадали дети или подростки мужского пола?! – попробовал я растормошить участкового.

– Никто здесь не пропадал! – огрызнулся он. – Поехали в управление, там с тобой будут разбираться!

– У Погасяна год назад сын исчез, – подал голос один из гражданских. И я зацепился.

– А клуб Чергид он посещал? – дождавшись кивка, для наглядности я ткнул пальцем в сторону электрощитовой и театрально воскликнул. – За этой дверью может находиться тело этого пропавшего мальчика!

– Ты чего несешь?! – попытался урезонить меня патрульный. – Ты сейчас весь город взбаламутишь!

– Покрываете убийцу! – заорал я в ответ, привлекая еще большее внимание.

Из коридора, пока мы здесь препирались, в кабинет заглянуло довольно много народу.

– Да заткните вы этого провокатора! – бесновался Сливко.

– Вяжи его! – махнул рукой участковый.

– Стоять! Не имеете права! – я вскочил с места. – Я следователь, вот мое удостоверение – теперь я обращаюсь исключительно к гражданским, которые потянулись в кабинет

из коридора. – Мужики, выламывайте эту чертову дверь! Не слушайте ментов, они покрывают убийцу ваших детей!

– Емельянович, да открой ты ее! Пусть посмотрит следователь, да успокоится, – слышались выкрики.

Я не тешил себя надеждой, что мне поверили, но любопытство, однозначно, разыграло у всех.

– У меня нет ключа! – сделал попытку отмазаться маньяк.

– Электрика надо звать!

– Чего меня звать? Тут я, – вперед вышел мужик в темном матерчатом халате. – Только нет у меня ключа. Сливко это хозяйство.

– Я требую, чтобы все немедленно покинули помещение клуба! – не своим голосом заверещал маньяк.

– Дверь открой, и мы уйдем, – получил он встречное предложение.

У участкового походу сдали нервы, и он выбил замок ногой.

– Иди смотри! – это он уже мне. – А потом ты ответишь за все, что здесь натворил! Я тебе это обещаю!

– Что значит иди и смотри? – возмутился я непрофессионализмом коллеги. – Ты что порядка осмотра помещений не знаешь?! Первым должен войти ты, как представитель местной власти, и не один, а с понятыми.

– Товарищ лейтенант, давайте уже заходите! Хватит народ дразнить, – подбодрил тот самый народ участкового выкриками.

Харламов сплюнул и вошел, за ним потянулись двое гражданских. Понятые самоорганизовались из наиболее любопытных. А я напряженно ждал, ведь маньяк в 1976 году мог хранить улики совсем в другом месте.

– Это что за?! – послышалось из каморки вместе с отборным матом.

– Чего там? – заволновался народ снаружи.

– Бойко, группу вызывай! И гражданских отсюда уводи! – выскочив на миг участковый еще что-то прошептал старшему патруля, и нырнул обратно.

– Что там? Мертвого Погасяна нашли? – продолжали допытываться люди.

– Расходимся товарищи! – командным голосом рыкнул Бойко.

Следственно-оперативная группа приехала минут через двадцать. А сразу следом представители местной прокуратуры.

Пока их не было, я смог заглянуть в электрощитовую. В первую очередь на глаза попали наваленные на верстак ножи, туристические топорики, веревки и множество ботинок с отрезанными носками.

– Вон в том ящике надо посмотреть, – подсказал я участковому, заметив что-то похожее на сейф.

– Так это что правда что ли, это он Погасяна убил? – ошарашенно спросил меня лейтенант, разбирая пачку фотографий жуткого содержания.

– Это не мое! Это он мне все подбросил! – Сливко по-
жирал меня ненавидящим взглядом. Наручники на маньяка
не надели, но патрульные не спускали с него глаз. Хотя мне
казалось, они больше за мной следили. Один из них посто-
янно дышал мне в затылок.

– Ага, в багаже привез. До двадцати килограмм бесплат-
но, – пробурчал я и вышел из каморки.

Нет, плохо от увиденного мне не стало. Просто я свою
миссию посчитал выполненной. Дальнейшее от меня уже
не зависело, и лавры охотника на маньяков мне были не нуж-
ны. Да и не грозят они мне. Никто не будет делиться с чу-
жакom успехами. И хрен с ними со всеми, у меня есть дела
поважнее. Накормить кота, например. Полить цветы. И сва-
лить из Союза.

Отступление

– Илья Юрьевич, где Чапыра? – начальник РОВД вызвал
к себе Головачева.

– Не знаю, я дал ему отгулы и больше с четверга не видел.

– Как вовремя-то, – усмехнулся полковник. – Вы чего
с Лусенко из меня идиота делаете? Тому видите ли Сквор-
цова срочно приспичило отправить в область на поиски ка-
кого-то жулика. Словно кроме Скворцова с этим ответствен-
ным заданием больше ни один инспектор уголовного розыс-
ка не справится. Теперь ты Чапыру куда-то спрятал. А из-

виняться перед сыном Пахоменко кто будет? Я? – Мохов продавливал застывшего посреди кабинета Головачева тяжелым взглядом. – Я, конечно, извинюсь, я же не такой гордый как вы, – с издевкой произнес Мохов. – Но ему именно Скворцова с Чапырой подавай! Один его избил, по приказу второго – в медвытрезвитель отвезли.

– За что перед этим сынком извиняться? – дернув желваками, начал возмущаться начальник следствия. – Мой следователь действовал по закону. Пахоменко с друзьями нарушали общественный порядок. Чапыра с сотрудниками милиции это пресек.

– Думаешь, я этого не понимаю?! Думаешь, я не на стороне своих сотрудников? Думаешь, я ничего не сделал, чтобы уладить этот конфликт и дело не дошло до прокуратуры? Да я, черт возьми, только этим и занимаюсь последние дни! – лицо полковника побагровело. – А вы все устранились! Только злословите у меня за спиной! Думаешь, я этого не знаю?! Только и шепчетесь, что Мохов выслуживается перед каким-то хером из областного торгового управления. Я не выслуживаюсь! Я решаю вопрос. Решаю так, чтобы вывести нас всех из-под удара!

– Чапыра возбудил дело о хулиганстве, которое не зависит от частного обвинения. Этого должно хватить, чтобы Пахоменко отступил.

– Твой Чапыра, конечно, молодец, что додумался так все повернуть, – поморщившись, перебил его Мохов, – Именно

это мне и помогло вразумить Пахоменко, который требовал всех причастных наказать, – полковник вздохнул, потянулся к графину с водой, на полпути передумал, воровато покопился на дверь, после чего достал из стола початую бутылку коньяка с двумя рюмками. Налил и одну подвинул к Головачеву, приглашая того к столу, – Ему ведь тоже невыгодно раздувать всю эту историю, – продолжил он, после того как рюмки опустели. – Поэтому мы с Пахоменко договорились о том, что не было ни хулиганства с сопротивлением сотрудникам милиции, ни превышение этими же сотрудниками служебных полномочий. Так сказать, разошлись краями. Но на извинениях он настаивает!

Оба выматерились, выпили еще по рюмочке и закусили шоколадными конфетами, что надали Мохову вместе с коньяком на День Советской Милиции.

– Зря он на этом настаивает, – после паузы произнес Головачев. – Чапыра ведь просто так извиниться не сможет, обязательно что-нибудь отчебучит. Как бы еще хуже не вышло.

– Так проконтролируй, чтоб нормально все прошло. Ты начальник или кто?

Головачеву оставалось лишь кивать, да пить коньяк.

Глава 4

– Так как ты говоришь в Невинномысске оказался? – пытал меня старший инспектор уголовного розыска Якушев.

Мы беседовали в его кабинете в городском ОВД уже больше часа, а он все никак не мог понять как я вычислил маньяка. Нет, здесь Сливко еще таким не считали. Только провели обыски, изъяли много интересного киноматериала, и сейчас начальство его просматривало. Нас же со старлеем на закрытый показ не пригласили. Но я не в обиде, и без него про преступный путь Сливко знал больше местных. А не доволен я был тем, что уже вечер, а меня из ОВД все не отпускают. И даже пожрать не предложили. Не гостеприимными оказались невинномысцы.

– На самолете прилетел, – я старался быть как можно серьезнее, без всяких своих непонятных для местных шуточек. – Там хотя бы конфеты раздавали, – добавил я с намеком.

Якушев его проигнорировал. На вид он был типичным опером с повадками не самого крупного в лесу хищника, что сутки напролет вынужден выслеживать добычу и при этом стараться самому в чужую пасть не угодить. В общем осторожным, злым до информации и очень недоверчивым типом.

– Зачем?

– Турист я по жизни, путешествовать люблю. Давно хотел на ваш Стрижамент взобраться. А тут как раз отгулы образовались и я рванул на природу.

– Ну и шел бы себе на гору. В Невинномысск то зачем приехал? Ты же, говоришь, из Минеральных Вод ехал. На кой черт к нам свернул?

– Не зная маршрута на незнакомую гору переться? – сыграл я удивление.

– Но почему ты пришел с просьбой проложить маршрут именно к Сливко?! – старлей, навалившись на локти, приблизил ко мне лицо.

– Намедни по радио о нем передачу слышал, – пожал я плечами. – Сказали, что он руководитель местного туристического клуба, к тому же мастер спорта по горному туризму.

– Какую передачу? Как называлась. Когда ее транслировали?

– В День Советской Милиции, я как раз на дежурстве был, вот и слушал, – устало пояснил я и тут же нагло спросил. – Слушай, есть что пожрать?

Якушев на какое-то время завис, словно обдумывая стоит ли кормить своим обедом этого непонятного хмыря, но затем все же соизволил вытащить из ящика половину батона.

– А чай? – обрадовался я виду свежего хлеба.

Старший инспектор хмуро на меня глянул, но вилку от кипятильника в розетку воткнул.

– Сахар есть? – не унимался я.

Передо мной положили неполную коробку рафинада.

– Колбаса или котлета?

– Чего нет, того нет, – старлей развел руками, но по его лицу было понятно, что он ни капли по этому поводу не печалится.

Вздыхнув, я приступил к скромной трапезе.

– Рассказывай дальше. С чего вдруг ты начал подозревать Сливко в убийствах? Ты же утверждаешь, что сегодня впервые его увидел.

– Так он меня задушить пытался. Вроде веская причина. Нет? – прожевав, ответил я.

– Почему он стал тебя душить?! – у старшего инспектора все не получалось сложить картинку.

– Думаю, потому что увидел меня возле электрощитовой.

– А что ты там делал?

– Туалет искал.

– На все-то у тебя есть ответ, – недовольно констатировал старший инспектор. – Но объясни мне, как ты догадался, что надо искать именно в электрощитовой?

– Так дедукция. Есть такой метод мышления. Может слышали? Шерлок Холмс активно его использовал.

– А если серьезно? – нахмурился Якушев.

– Я серьезно. Сливко напал на меня возле электрощитовой, более того, он пытался меня в нее затащить. Понятное дело, меня заинтересовала такая целенаправленность его

действий.

– Но с чего ты взял, что там труп Погасяна?

– Да ни с чего. Я вообще Погасяна не знаю. Эту фамилию ваши местные назвали.

– Подожди, патруль утверждает, что ты сказал, что Сливко в электрощитовой прячет мумифицированный труп Погасяна.

– Ничего подобного я не говорил. Я всего лишь предположил, что в электрощитовой может находиться предыдущая жертва Сливко или следы от ее там пребывания, а ваши сотрудники уже додумали все остальное.

– Допустим, – отступил Якушев, но не сдался. – Все равно не верю. Не бывает таких совпадений. Не успел приехать в город, как сразу на преступника вышел, – старлей покачал головой, на что я равнодушно пожал плечами.

– Слушай, тебе чего еще от меня надо? Рапорт я написал. На все твои вопросы подробно ответил. Отпускай уже меня, – вышел я с предложением.

– Начальство придет, тогда и решим, что с тобой делать.

– А что, есть варианты? – усмехнулся я на завуалированное обещание проблем.

– Скоро узнаешь! – отрезал Якушев.

В этот момент в его кабинет ввалилась долгожданная процессия из начальника местного управления и начальника уголовного розыска. С последним, что был облачен в мундир капитана, я уже имел сегодня разговор, до того, как его

вызвали на просмотр изъятых у Сливко киноплёнок.

Приход начальства заставил нас с Якушевым подорваться с места. Я стоял молча, а старлей принялся докладывать о том, что у меня выяснил.

Следом на меня посыпались уже заданные мне старшим инспектором вопросы. Пришлось отвечать повторно. Высокое начальство услышанным не удовлетворилось и, хмуря брови, взирало на меня как на зловредное насекомое.

– Значит приехал как турист, зашел в клуб за маршрутом, увидел Сливко и тут же определил, что тот убийца и прячет улики в электрощитовой, – перечислил мои прегрешения местный начальник милиции.

Отвечать было излишне, поэтому я промолчал и с интересом ждал развязки.

– Сам-то понимаешь, что такое невозможно? – попытался продавить он меня взглядом.

– Возможно, раз я все это проделал, – не повелся я.

Лицо подполковника налилось багрянцем.

– Ты забываешься, лейтенант! – рявкнул он на меня, – Тебе старший по званию говорит, что это невозможно. Значит так оно и есть!

– Ну, если вы так ставите вопрос, – уголки моих губ непроизвольно дернулись.

– Позубоскаль еще тут мне! Направлю рапорт твоему начальству с требованием привлечь тебя к дисциплинарной ответственности. Будешь знать, как со мной препираться!

– Товарищ подполковник, чего вы от меня хотите? – решил я не ходить кругами, а сразу выяснить цель наезда.

– Рапорт перепиши, – все еще гипнотизируя меня взглядом, заявил начальник ОВД. – Сделай его более достоверным. Случайно оказался во Дворце Химиков во время, когда там проводили обыск местные сотрудники милиции и прокуратуры. Оказал им содействие – стоял в отцеплении. Понял?

И даже благодарственное письмо в мой отдел не послужило отправкой. Местный начальник милиции начал вызывать у меня неприязнь.

– Может меня вообще там не было? – предложил я свой вариант, раз уж вышло, что наши желания совпадали. Местные не хотели делиться славой, и я не жаждал светиться.

Вместо быстрого согласия подпол пожевал губами, по всей видимости, обдумывая ситуацию. Вот только договориться нам помешали. С улицы послышались гневные крики.

Заинтригованные все подались к окну. Я оказался ростом выше Якушева, поэтому смотрел на развивающееся внизу действие поверх его плеча. На ступенях здания ОВД собиралась толпа, которая с каждой секундой все увеличивалась, вбирая в себя постоянно прибывающий народ.

Пробка образовалась оттого, что людям не давали зайти вовнутрь.

– Вы куда прете?! – басил снизу дежурный. – Не положе-

но! Назад!

– Убийцу отдай и уйдем! – на этот выкрик толпа разразилась одобрителем гулом.

– Мужики, тесните его! – последовал призыв.

– Стоять! – не выдержал наблюдавший сверху за нарушением порядка подполковник. – Я начальник городской милиции. Приказываю всем разойтись по домам!

– Сливко нам отдай! – услышали мы встречное предложение.

– Гражданин Сливко задержан, с ним проводятся следственные действия! Приказываю разойтись по домам! – начальник ОВД еще хотел добавить что-то грозное, но снизу прилетел камень. Оконное стекло со звоном разбилось. В последний момент я успел пригнуться, и осколки достались Якушеву, за чьей спиной я спрятался. Старлей дернулся и, матерясь, отпрыгнул от окна.

Тут в кабинет с ошарашенным видом забежал еще один сотрудник дежурной части.

– Товарищ подполковник, толпа штурмует здание управления! Что прикажете делать?!

– Перекрыть все входы и вызвать подмогу! – в свою очередь гаркнул начальник ОВД. Он уже находился от окна и беснующейся под ним толпы на безопасном расстоянии.

Он, как и начальник УГРО, не пострадал, а вот Якушев прижимал к щеке, намокший кровью, носовой платок.

– Может вооружить всех? – добавил начальник уголовно-

го розыска. – Когда еще эта помощь придет. До Ставрополя пятьдесят километров.

– Вооружай! – согласился начальник ОВД. – Но в людей не стрелять! Только предупредительные выстрелы! Военные подтянутся и сами с ними разберутся, – последнее он произнес многообещающе. Мне показалось, что подпол не будет против если горожан попросту перестреляют. Единственное, что его волновало – самому не замараться.

Тем временем крики за окном нарастали. Народ продолжал требовать отдать им убийцу детей. Походу слухи о задержании маньяка и о его страшном тайнике уже успели разлететься по небольшому городу.

– Домой к Сливко еще бы кого отправить, – вновь подал голос начальник УГРО. – С семьей могут расправиться.

– Вот черт! – дальше подпол раздавал указания исключительно матом. Под его начальственный рык сотрудники носились по управлению как наскипидаренные.

Я затаился за дальним от окна свободным столом и старался не отвечивать. Но надолго моей маскировки не хватило.

Разворачиваясь при выходе из кабинета, подполковник зацепил меня боковым зрением.

– Доволен?! – заорал он как не в себе. – Выслужился?! Убийцу он поймал! Герой, бл... Если будет хоть одна жертва, ты сядешь! Я тебе это обещаю!

– Не мешало бы удостовериться в его личности, – внес

свою лепту начальник УГРО. – Слишком уж рассказанная им история о случайной поимке преступника подозрительна.

Вы правильно заметили, что таких совпадений не бывает.

– Ты к чему ведешь? – насторожился подполковник.

– Надо проверить, тот ли он, за кого себя выдает. Может он не следователь, а провокатор.

– Свяжитесь с моим начальником, он подтвердит мою личность, – встрял я в их диалог. Рассуждения коллег меня совсем не порадовали. Хрен знает до чего они могут додуматься в этих экстремальных условиях, когда внутрь пытаются пробиться разъяренная толпа.

– Свяжемся. А пока в камере посидишь! – определил мою дальнейшую судьбу подпол.

– Вы охренели? Я следователь! Вы не имеете права меня задерживать! – я возмутился, но мне выкрутили руки и потащили по коридору в сторону лестницы.

На первом этаже, несмотря на мое сопротивление, мы оказались буквально за минуту. Конвоиры спешили впихнуть меня в клетку и освободиться. Толпа продолжала бесноваться, то и дело до нас доносились выкрики с улицы и ответные требования прекратить беспорядки. Через открытые двери кабинетов я видел, как сотрудники баррикадировали окна первого этажа мебелью.

Мы уже подходили к дежурке, как возле нас раздался грохот и последующие за ним выстрелы из пистолета с паническими криками «Стоять! Стрелять буду!», а в следующий

момент нас буквально смели с дороги. Меня швырнуло в стену, а мои конвоиры завязли в прорвавшейся в здание толпе. Я проводил их удаляющиеся головы взглядом и рванул в кабинет, откуда выбегали горожане. Как я и думал, они, снеся рукотворную преграду, ввалились через окно, ну а я из него вылез и тут же дал деру подальше от здания ОВД. Хоть удостоверение у меня и не изъяли, но паспорт все равно нужно было забрать из гостиницы. Так что бежал я в ее сторону.

Сделал, называется, доброе дело. Маньяка обезвредил, герой, блин. Осталось самому не присесть за какой-нибудь местный висяк. Начальник здешней милиции ведь именно это мне обещал. Так вот хрен ему. Бодаться я с ним буду со своей территории, там Шафиров, Митрошин. Прикроют. Здесь же я никто, чужак. Сперва засадят, и только потом доложат моему начальству.

Впереди засветили фары и судя по звуку в мою сторону двигались тяжелые грузовики. Военные что ли? Что-то быстро они. Срочно надо ускориться и успеть до начала облавы покинуть город.

Перед гостиницей, я сбавил темп и внутрь вошел спокойным шагом.

– Не знаешь, что там в городе творится? – спросила меня администратор. Она стояла за стойкой и выглядела взволнованной.

– Учения какие-то, – пожал я плечами и, не останавливаясь, чтобы избежать дальнейших расспросов, свернул

на лестницу.

Выбирался я обратно тоже через окно. Благо номер находился на втором этаже, так что не разбился. Дальше тоже повезло. Выбежав на дорогу, я увидел грузовик, но уже с открытым кузовом.

– Подбросишь до Минвод? – вскочил я на подножку, когда он затормозил.

– Я в Ставрополь еду, – ответил мне водитель.

– Отлично! – в столице края тоже был аэропорт, так что я забрался в кабину.

Оказавшись на пассажирском сидении, я наконец выдохнул. Прикрыл глаза и начал составлять план побега из региона. Сажусь на первый вылетающий из города самолет и без разницы куда он летит, потом на нужный рейс пересяду. Главное, убраться отсюда. Надеюсь, подполковник до утра будет занят другими делами и обо мне вспомнит лишь к утру, а если повезет, то к обеду. Но если ночью вылетов не будет, придется на попутках от Ставрополя выбираться. Там, кстати, недалеко граница с Краснодарским краем пролегает. Последняя мысль заставила меня замереть.

Контрабандисты, Турция – услужливо выстроилась логическая цепочка. И зачем мне возвращаться? Черт с этими драгоценностями. Турция ближе. В Стамбуле наверняка есть посольство ФРГ, а дальше отец Альберта с деньгами поможет.

Я посмотрел в окно. Там темнела южная ночь. С неба

на меня щерилась луна и подмигивали звезды.

Отступление

Несмотря на поздний вечер пятницы следствие еще не разошлось по домам, а почти в полном составе совещалось на вечерней оперативке. Не было главного возмутителя спокойствия, его кресло пустовало. И вроде бы даже чего-то не хватало.

Головачев тряхнул головой, отбрасывая лезущие в голову странные мысли.

В кабинет заглянула Капитолина.

– Товарищ подполковник, вам из Невинномысска звонят. Начальник городского ОВД.

– Это где? – Головачев не сразу вник в суть сказанного.

– Ставропольский край, – поверх очков пояснила его незаменимая помощница.

Поднимал он телефонную трубку в задумчивости.

– Начальник следствия слушает, – последовало ответное представление, и Головачев кивнул, словно абонент мог его видеть. – Чапыра? – при озвучивании подполковником этой фамилии присутствующие замы напряглись, а простые следователи обратились в слух. – Да мой сотрудник. Сейчас у вас? А как он там оказался? Уже нет? Сбежал? – при последних словах Журбина начала сползать под стол. – Что он сделал? – голос Головачева сделался глухим. – Массовые

беспорядки устроил? – Курбанов закашлялся, слюна не в то горло попала. – Вы это сейчас серьезно? Понял. Вернется – сообщу.

Головачев положил трубку дрожащей рукой. Не отрывая взгляда от телефона, он закурил новую сигарету.

В кабинете прекратились шепотки и установилась абсолютная тишина, все переваривали услышанное и наблюдали за начальником следствия, ожидая его реакции.

– За каким чертом его в Ставропольский край занесло? – задался вопросом Курбанов.

– И что теперь будет? – отмерла донельзя бледная Журбина.

Головачев не ответил, он был полностью погружен в свои мысли. То, что он сейчас услышал от начальника милиции Невинномысска было совершенно неправдоподобно. И то, что Чапыра непонятным образом оказался в Ставропольском крае, и то, что он настроил горожан против местной милиции, чем спровоцировал массовые беспорядки. Все это звучало фантастично. Судя по голосу, абонент был трезв. Но может это звонил не начальник тамошней милиции, а какой-то шутник. Ведь, если подумать, Чапыре совершенно нечего делать в Ставропольском крае. Да дома он сейчас отдыхает. А не шуточки ли это Чапыры? От этого кадра всего можно ожидать.

– Вернется, лично пристрелю, – произнес Головачев вслух, остановившись на последней версии.

Глава 5

– На сегодняшний день удалось выяснить следующее, – начал докладывать министру МВД СССР, вернувшийся час назад из Ставропольского края полковник милиции Бороздин. Он был высоким и сухопарым, с рано появившимися залысинами, прибавлявшими ему несколько лет. – Двенадцатого ноября около пяти часов вечера у здания Невинномысского ОВД начали собираться жители города. На законные требования сотрудников милиции разойтись по домам граждане не реагировали, более того, стали проявлять агрессию, в окна здания полетели камни. Закончилось все тем, что толпа смела баррикады и ворвалась внутрь здания. Уже через десять минут на место происшествия прибыли военные с ближайшего гарнизона. А еще примерно через час из Ставрополя прибыло подкрепление. Совместными силами милиции и военных беспорядки были пресечены.

Щелоков слушал доклад своего порученца, одновременно обдумывая свои дальнейшие действия в связи с возникшей ситуацией. В пятницу вечером из УВД Ставропольского крайисполкома поступила информация о том, что в Невинномысске начались массовые беспорядки. Сразу вспомнился Новочеркасск, ведь события в обоих городах развивались по схожему сценарию: и там и там гражданское население брали штурмом здание местного отдела милиции.

Буквально через несколько минут, как министру зачитали срочную телеграмму, ему позвонил первый заместитель председателя КГБ Цвигун и в свойственной ему манере поинтересовался:

– Ты знаешь, что у тебя в Ставрополе творится?

– Уже доложили, – сухо ответил Щелоков.

Вместе с Семеном в молодые годы они работали в Молдавии и их отношения можно было назвать нормальными, чего нельзя было сказать об отношениях министра МВД с начальником Цвигуна Андроповым.

С последним Щелоков встретился буквально через час у Брежнева. На экстренное совещание прибыл также министр обороны Устинов. Доклады двух министров и председателя КГБ Брежнева, мягко говоря, не порадовали. Он был сильно раздражен, так что досталось всем трем докладчикам в равной степени.

Брежнев не желал повторять ошибок своего предшественника Хрущева, а еще больше, прослыть на Западе очередным кровавым тираном, поэтому он требовал при подавлении бунта избежать жертв среди гражданского населения.

– Никаких смертей среди горожан! – отдал генсек недвусмысленный приказ.

Для контроля ситуации на месте Щелоков отправил в Ставрополь спецгруппу, которую возглавил Бороздин Андрей Семенович.

– Кровавопролития избежать не удалось, – продолжил тот

доклад, – Но убитых нет. Огнестрельные ранения получили двенадцать гражданских, шестнадцать получили различные травмы. Пострадало восемь сотрудников милиции, у троих колото-резанные раны, остальные отделались ушибами. Также восемнадцать военных получили травмы различной степени тяжести.

В настоящее время зачинщики устанавливаются. На сегодняшний день было задержано двадцать два человека, десять из которых были отпущены под подписку. Возбуждено уголовное дело по семьдесят девятой статье уголовного кодекса, его расследованием занимаются следственные органы комитета государственной безопасности.

– По какой причине произошли массовые беспорядки? Какие требования выдвигали бунтовщики? – поспешил узнать министр МВД.

– Граждане требовали выдать им убийцу детей, – последовал шокирующий ответ, который Щелоков совершенно не ожидал услышать, думал, что требования были экономические, как и в Новочеркасске. – Дело в том, – продолжил полковник, – что в этот же день был задержан подозреваемый в убийствах трех подростков, некий Сливко, руководитель детско-юношеского туристического клуба, и ко всему прочему ударник коммунистического труда, депутат горсовета и член партии. Вот люди и испугались, что он уйдет от ответственности и решили взять правосудие в свои руки.

– Край взяточничества и приписок, – проговорил вполго-

лоса Щелоков, уйдя в воспоминания. – Говоришь, член партии? – министр как-то недобро усмехнулся. Ему припомнился первый секретарь Ставропольского крайкома Горбачев. Еще один его недруг, к тому же близкий друг Андропова.

Щелоков не забыл событий 1973 года, когда Горбачев инициировал проверку краевого управления, в ходе которой было снято несколько высокопоставленных подчиненных министра МВД. Щелоков нанес ответный удар. Отправленные в Ставрополь сотрудники ОБХСС и уголовного розыска накопили достаточно материала для снятия первого секретаря крайкома. Но в дело вмешались Андропов с Суловым, земляки Горбачева. И Щелокову пришлось отступить.

– Раз задержали члена партии значит должны быть веские доказательства его вины? – предположил министр.

– Так точно, товарищ генерал. Их при обыске нашли довольно много. Уже доподлинно известно, что Сливко на протяжении нескольких лет издевался над своими воспитанниками – участниками клуба. Подвешивал их за шею и наблюдал как те задыхаются. Такие пытки он называл экспериментами и фиксировал их на фото и киноаппаратуру. На некоторых фотографиях и киноплёнках в кадре есть сам Сливко. Собственно, из-за этого он начал давать признательные показания. Следственно-оперативную группу возглавил следователь по особо важным делам Генпрокуратуры Малышев, с ним у нас отношения рабочие.

– И как долго зверствовал этот убийца?

– Предварительно, двенадцать лет. Первое убийство Сливко совершил в 1964 году, как он объяснил оно вышло случайно, неудачный эксперимент. В 1973 году им был убит второй подросток и в мае 1975 года – третий. Но есть вероятность, что жертв будет больше, со Сливко еще работают. Кроме того, сейчас устанавливают всех потерпевших подростков, над которыми он проводил свои жуткие эксперименты.

– Слишком долго местные его искали, нам это обязательно поставят в вину, – задумчиво произнес Щелоков. – Ладно, хорошо, что нашли. Надо будет позже обговорить поощрения.

– А вот здесь, Николай Анисимович, начинается самое интересное, – произнес загадочную фразу полковник Бороздин. – На Сливко вышли совершенно случайно. И это заслуга не местной милиции и прокуратуры. Начальник ОВД Невинномысска поначалу пытался это скрыть и приписать все заслуги по поиску опасного преступника себе. Согласно его рапорту, преступник был установлен в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по поручению даже не следователя прокуратуры, а самого прокурора города! Но из-за последовавших народных возмущений, события вышли из-под контроля местных и правда просочилась.

– И что произошло на самом деле? – не вытерпел Щелоков.

– На самом деле Сливко разоблачил следователь районного ОВД города Энска. Некто Чапыра Альберт Анатольевич.

– Энска? И как он оказался в Ставропольском крае? Отдыхал?

– Да, прибыл с целью совершить восхождение на местную гору и по пути зашел в туристический клуб, которым как раз руководил Сливко. Невиданное стечение обстоятельств!

– А как он догадался-то, что Сливко убийца?

– Говорят, что Сливко сам себя выдал, напав на следователя.

– Кто говорит?

– Местные сотрудники милиции. Участковый, что вскрыл фотолабораторию преступника и старший инспектор уголовного розыска, что опрашивал Чапыру.

– А сам Чапыра, что докладывает?

– Ничего. Он пропал, – полковник недовольно поджал губы.

– Что значит пропал? – не понял Щелоков.

– Удалось выяснить, что в последний раз его видели в здании ОВД Невинномысска. По приказу начальника милиции города его конвоировали в дежурную часть.

– Что значит конвоировали?! – перебил подчиненного Щелоков – У начальника милиции нет права задерживать следователя! Это вопиющее нарушение закона и превышение должностных полномочий! – распаялся министр.

– Южный регион, – философски заметил Бороздин. –

Позвольте еще добавить по поводу местной специфики, – уголки губ полковника дернулись. – Начальник милиции города Невинномысска пытается свалить вину за массовые беспорядки на нашего следователя.

– Час от часу не легче, – проговорил недовольный услышанным Щелоков. – Он что всерьез считает, что это позволит ему уйти от ответственности?

– Дело о беспорядках расследует КГБ, – заметил полковник. – Тут дело в том, что когда следователь Чапыра заподозрил Сливко, он потребовал у местных сотрудников милиции провести обыск помещений туристического клуба, но те ни в какую не соглашались. Наш следователь оказался настырным и своего добился, правда для этого ему пришлось призвать на помощь горожан. Собственно, по этой причине информация о Сливко разошлась по городу.

– Сами виноваты. Следователь ведь, наверняка, представился, предъявил служебное удостоверение, – принялся рассуждать Щелоков. – К тому же он не требовал ничего незаконного. Клуб – это нежилое помещение. Обыск в нем можно проводить и без санкции прокурора.

– Все так, Николай Анисимович, – согласился с генералом Бороздин. – И это наводит меня на некоторые мысли. Разрешите их озвучить? – голос полковника при этом был донельзя серьезным.

Щелоков разрешил.

– Сливко совершал свои преступления на протяжении

двенадцати лет. Мне слабо верится, что местные не догадывались об его экспериментах, ведь он проводил их на десятках подростков. Неужели их родители не замечали следов пыток? Да и город небольшой, все на виду. Думается мне, что его покрывали. Все же Сливко член КПСС.

– И необязательно этим занимались сотрудники милиции, их самих могли одергивать, когда они подбирались к нему слишком близко, – подхватил мысль министр.

– Перед самым моим отъездом к Малышеву заявила третий секретарь горкома Костина и потребовала освободить Сливко.

– Даже так? – Щелокову понравилось то, что он услышал. Ниточку от Костиной можно было протянуть к Горбачеву, тем самым связать его со Сливко. Андропов ведь обязательно будет напирать на ненадлежащее исполнение сотрудниками милиции служебных обязанностей.

«Благодаря их халатности преступник несколько лет убивал и издевался над детьми!» – Щелоков воочию увидел, как председатель КГБ говорит эту фразу, наставив при этом на министра МВД указательный палец.

Но Щелокову теперь было чем ответить. Во-первых, преступника покрывал горком партии. Во-вторых, преступника изобличил сотрудник органов внутренних дел.

– Надо срочно найти следователя Чапыру, – поставил он новую задачу перед полковником Бороздиным. – У вас есть мысли куда он мог деться? Может он уже в КГБ? Они, конеч-

но, не имеют права допрашивать моих сотрудников, но ставки слишком высоки, – задумчиво произнес министр МВД.

– Чапыру не только следователи КГБ желают допросить, но и прокурорские, первые по поводу массовых беспорядков, вторые из-за Сливко, – дополнил картину полковник. – А на счет вашего вопроса, где может находиться Чапыра я могу только предполагать.

– И какие у тебя мысли? – заинтересовался Щелоков.

– Думаю, он почуял неладное и сбежал. Воспользовался тем, что в здание управления ворвались горожане и сделал ноги.

– Почуял неладное? – потребовал разъяснений министр МВД.

– Думаю, он сложил два и два. Как я уже докладывал, Сливко орудовал в городе более десяти лет, а местные правоохранительные органы по этому поводу не чесались. Более того они препятствовали изобличению преступника, еще и начальник милиции приказал его задержать. Добавить к этому специфику южного региона и можно прийти к неприглядным выводам. Вот Чапыра и поспешил оттуда убраться подобра-поздорову.

Щелоков вышел из-за рабочего стола и начал прохаживаться по кабинету.

– А знаешь, я с тобой согласен. Вероятно, так все и произошло, – заявил он, остановившись. – На его месте я бы поспешил вернуться в Энск под защиту своего начальства.

– Тоже так считаю, вот только в Энсск Чапыра не возвращался, его начальство ничего не знает о его местонахождении. В аэропортах Ставрополя и Минвод он не появлялся, авиабилеты на обратную дорогу не покупал. Воспользовался ли он железнодорожным транспортом пока выяснить не удалось, для этого потребуется больше времени.

– Проверь еще соседние регионы. Этого следователя срочно нужно найти и сделать это надо раньше людей Андропова.

– Есть, товарищ генерал!

* * *

Головачев отгородился от творившегося вокруг безумия, полностью уйдя в себя. Коньяк хорошо вписывался в его состояние. Обволакивал, воздействовал успокаивающе и позволял на какое-то время забыться.

Началось все в пятницу двенадцатого. Тогда начальник следствия не придавал особого значения звонку из Невинномысска, решив, что это чей-то розыгрыш. Нет, он дал поручение проверить откуда поступил звонок, но результатов проверки дожидаться не стал, посчитав, что это не к спеху. Оказалось, он сильно ошибся.

Уже в субботу к поискам его молодого сотрудника Чапыры присоединился комитет государственной безопасности и даже прокуратура Ставропольского края. Впрочем, последние донимали лишь звонками, да прислали повестку,

выписанную на Чапыру Альберта Анатольевича. Причем оба ведомства не говорили о причинах поиска следователя, ссылаясь на конфиденциальность информации. И оба называли ложными слухи о массовых беспорядках в Ставропольском крае, поэтому Головачев даже не знал, что думать. Ему уже стало казаться, что того пятничного звонка из Невинномысска и вовсе не было. Но тут пришел ответ на запрос, оказалось звонок был и именно из отдела милиции города Невинномысска.

Областное УВД в стороне не осталось, его ведь тоже бомбили запросами, и вышестоящее начальство вызвало Головачева, а вместе с ним и Мохова на ковер. Но ни тот, ни другой ничего по существу заданных вопросов пояснить не смогли. Они даже не знали, что Чапыра взял отгулы для того, чтобы слетать в Ставропольский край. Это им в вину и вменили, пообещав провести служебное расследование.

Покинули они Управление взвинченными до предела и рьяно взялись за поиски виновника свалившихся на них неприятностей. Но тот как сквозь землю провалился. Дома его не было, коллеги и бывшие сокурсники о его местонахождении ничего не знали. Нагруженные поручениями уголовный розыск и участковые с ног сбились, но отыскать в городе пропавшего следователя до сих пор не смогли. А тут еще выяснилось, что последние несколько месяцев Чапыра проживал не по месту прописки, а совершенно в чужой квартире, непонятно на каком основании, за что Головачеву при-

летело уже от Мохова.

И сейчас они вдвоем, закрывшись, сидели в кабинете начальника милиции и молча размышляли каждый о своем будущем.

Запасов спиртного Мохову надарили на год вперед, так что можно было не спешить покидать убежище. Еще бы телефон не трезвонил каждые пятнадцать минут и было бы совсем отлично. Если, конечно, оставить за скобками тот факт, что один из их сотрудников исчез. Впрочем, была надежда, что он сам найдется. Отгулы у него были до вторника. Значит в среду должен появиться на службе. Осталось дождаться среды. Вот только сегодня был еще понедельник, а нервы уже были ни к черту. Но на то есть коньяк.

– Семен Яковлевич! – задолбила в дверь секретарь Мохова. – Вас хочет видеть товарищ из министерства! – пыталась она докричаться до начальника милиции.

– Из Москвы что ли приехали? – разобрал ее слова, подорвался с места Мохов. – Прибери здесь, – велел Головачеву убрать лишнее со стола, полковник пошел открывать дверь.

В кабинет уверенной походкой вошел мужчина в штатском.

– Полковник Бороздин, старший инспектор главного управления уголовного розыска министерства внутренних дел СССР, – вошедший продемонстрировал свои корочки.

Головачев подобрался. С лица Мохова ушла вся краснота, вызванная выпитым им спиртным.

– Присаживайтесь товарищи, – говоря это, Бороздин сам занял свободный стул. – Расскажите мне о следователе Чапыре, – холодно улыбнувшись, потребовал он.

Глава 6

Как только мы выехали из Невинномысска на трассу, чувство тревоги вновь вернулось. В памяти всплыла угроза начальника милиции свалить на меня вину за массовые беспорядки. И в это верилось. «Своя шкура ближе к телу», а залетного не жалко. Иначе зачем бы ему понадобилось меня задерживать? Да чтобы мною от Комитета как щитом прикрыться. Вот смотрите, товарищи чекисты какого мы опасного врага советской власти обезвредили. Специально в наш тихий южный город прилетел устраивать массовые беспорядки. Вы уж с ним разберитесь по всей строгости советского закона.

И те разберутся. Если верить информации о КГБ из моего времени, меня ждет недолгое и тоскливое будущее, наполненное психологическим прессингом и пытками.

Казалось бы, что из-за противостояния КГБ и МВД от людей Андропова меня должны прикрыть мои коллеги – люди Щелокова. Вот только местным ментам оказалось выгоднее сделать из меня козла отпущения.

И теперь с их подачи я вынужден участвовать в загонной охоте, вот только не как охотник, а в качестве добычи. Меня уже назначили главной целью, и сейчас охотники становятся на номера, а совсем скоро начнется основное веселье. И чтобы не попасть под ружья, мне нужно будет действовать

очень осторожно.

В аэропорт резко ехать расхотелось. Слишком был высок риск, что там меня схватят: или при посадке на самолет, или после приземления.

Мне нужен был новый маршрут, и я развернул карту.

Водитель удивился моей просьбе высадить меня на развилке. Я же, поблагодарив его, отправился по дороге в сторону Армавира – города на границе Краснодарского и Ставропольского края. Где-то через полчаса пешего хода мне повезло – возле меня остановился еще один грузовик, а до нужного мне города я добрался на следующей попутке. Было шесть утра и общественный транспорт уже ходил, так что доехать до железнодорожного вокзала мне труда не составило.

– Это я удачно зашел, – проговорил вполголоса, разглядывая расписание поездов, прикрепленное к информационному стенду.

Буквально через час ожидалось прибытие поезда, следовавшего из Тбилиси в Москву, который как раз проходил через мой родной город. А если подождать еще полчаса, то можно было доехать до Адлера.

– И с чего такая щедрость? – задумался я. От судьбы в последнее время мне только пинки перепадали, а тут бац и сразу два пути открылось. Не ведут ли они оба в самое пекло? И как выбрать меньшее из зол?

Черноморское побережье манило наличием контрабандистов, которых надо было еще отыскать, найти способ вте-

реться к ним в доверие и убедить доставить меня в Турцию. И проделать все это надо было очень быстро, пока меня комитетчики не поймали. Миссия для агента 007, а я простой милицейский следак, еще и неплатежеспособный. Драгоценности-то у соседки в тайнике.

Вариант с возвращением в Энск выглядел не лучше. Ничего хорошего это возвращение мне не сулило. Скорее всего, меня и там никто спасать от Комитета не будет. Как бы, наоборот, начальство не обрадовалось возможности избавиться от проблемного сотрудника. Не любит оно меня. Невзирая на высокие показатели, что я им даю. И так обидно мне за себя стало, что даже о голоде забыл.

Подошел к кассам, чтобы встать в очередь.

Шафиров? А хрен его знает. При таком раскладе немудрено, что он предпочтет найти для своих комбинаций другого исполнителя, из которого не сыплются неприятности, как из рога изобилия.

Митрошин? Думаю, и ему такой зять, как я не нужен.

И что мне остается? Как всегда, рассчитывать только на себя. Мог бы уже понять, что здесь я чужак, каким навсегда и останусь, и перестать строить иллюзий. Никому я здесь нафиг не сдался, все только использовать норовят.

– Один до Москвы, – попросил я с запасом. Может в дороге что-то путное в голову придет.

Паспорт при покупке железнодорожных билетов не требовался. Собственно, это была одна из причин, почему я ре-

шил ехать поездом.

– Остались только верхние полки в купе, – предупредила кассир.

– Давайте, – мне было не до жиру.

– С вас двадцать два рубля!

О прибытии поезда оповестили по громкой связи уже минут через двадцать. К перрону вместе с новыми пассажирами подтянулись старухи с пирогами. Учувя запах стряпни, я вновь вспомнил, что уже сутки нормально не ел. Поэтому пока поезд тормозил, я первым делом искал глазами вагон-ресторан. Увидел его и даже на душе посветлело.

Мой вагон был следующим.

Проводник оказался слишком въедливым. Очень долго изучал мой билет, словно сомневался в его подлинности, затем таким же подозрительным взглядом прошелся уже по мне и моему рюкзаку, но в вагон все же пропустил.

Дальше стало еще веселее. Купе оказалось закрыто, а когда на мой довольно продолжительный стук его все же открыли, на меня враждебно уставились два горбоносых пассажира.

– Мое место восемнадцатое, – уведомил я их.

– Купе полностью выкуплено, – с грузинским акцентом заявил мне тот, что стоял ближе. Он был лет на десять меня старше и шире в плечах раза в два. Но вот ростом подкачал и дышал мне в ключицу.

– Окей, пойду на вокзал разбираться, – пробиваться в ку-

пе силой и тем самым привлекать к себе внимание в мои планы не входило.

– Стой, дорогой. Зачем разбираться? Ошиблась кассир, с кем не бывает. А мы поместимся. Проходи! – неожиданно мне освободили проход.

Помучавшись пару секунд сомнениями, я все же шагнул внутрь. На выбор у меня сейчас, к сожалению, был только один вариант – Адлер.

– Располагайся и давай знакомиться, – изображал из себя радушного хозяина, тот, что меня впустил и был немного постарше второго, который, напротив, демонстрировал мне раздражение.

– Сергей, – представился я своим прежним именем.

– Барам, – ответил первый на мое рукопожатие. – А это мой младший брат, Андро.

Андро под напором старшего выдавил-таки из себя улыбку, но все же не смог до конца совладать с эмоциями и сжал мою ладонь слишком сильно.

Проговорив что-то по-грузински, Барам, смеясь, хлопнул брата по спине и только тогда тот ослабил хватку.

– Борец. Силу не рассчитал, – объяснился за младшего Барам.

Андро же уселся на нижнюю полку и молча уставился в окно.

– Докуда едешь? – расположившись рядом с братом, спросил Барам.

– До Москвы, – я, в свою очередь, приземлился напротив них.

– Значит вместе до конца поедем, – он вновь продемонстрировал мне белые зубы.

Дальше, узнав, что я не был в Тбилиси, Барам принялся рассказывать мне об этом славном городе, затем о какой-то местной свахе Мариам и о том, как она подыскивала Андрю невесту.

– Подходящая девушка нашлась в Москве. Студентка престижного ВУЗа и дочь уважаемого человека. Вот едем к ней с подарками. – закончил он рассказ и тут же перешел ко мне. – А ты зачем в Москву едешь?

– От невесты бегу, – ответно улыбаясь, ответил я. И выдал ему историю, о том, как подружка начала настаивать на свадьбе, ее родители тоже на меня наседали, а я еще не нагулялся. Вот и пришлось делать ноги.

– Мужчина должен быть женат! – глубокомысленно изрек Барам, устремив палец вверх. – Но ты еще молод, так что можешь пока погулять, – разрешил он мне.

Поезд тронулся и стал набирать ход. Вскоре появился проводник с бельем для меня.

– Подскажите, когда ресторан открывается? – воспользовался я его приходом, чтобы задать назревший вопрос.

– В восемь, – не особо приветливо буркнул он и удалился. Я посмотрел на часы, ждать оставалось всего около получаса. Занял время, постелив себе постель. Соседи как раз

освободили мою полку от своих многочисленных сумок, после чего замолкли и больше вопросами меня не донимали.

Странные они какие-то. Этот Барам вроде приветливый, но взгляд слишком цепкий. Все ведь подметил: и хорошую одежду с обувью, и дорогие часы, и на рюкзак мой смотрел, словно сканировал. Андро так вообще социопат. Интересно, кто они на самом деле? В их историю с московской невестой я нисколько не поверил, впрочем, думается мне, они в мою тоже.

С другой стороны, врать попутчикам в поездах во все времена считалось нормой, неким развлечением в пути, так что возможно ничего криминального за ними и не водится, да и наколок на их руках нет. А многочисленные сумки действительно могут быть заполнены подарками родственникам.

Впрочем, мне насрать. Пусть хоть спекулянтами, хоть даже террористами окажутся. Никого больше ловить не буду. Боком мне все это донкихотство обходится. Вместо наград звездюлей получаю.

В вагон-ресторан я заявился одним из первых. С утра сюда забредали только семьи с детьми. Все остальные пассажиры либо еще спали, либо питались тем, что взяли с собой в дорогу.

На столах скатерти, на окнах шторы. Официантка симпатичная – крашенная блондинка с накрученными локонами и пышными формами. Из-под юбки, длиною выше колена,

выглядывали полноватые ляжки, на которые я каждый раз, когда она проходила мимо меня, засматривался.

Еда тоже оказалась вкусной. Я заказал овсяную кашу с яичницей по-грузински, только они были в утреннем меню, да чай с лавашем.

Мое возвращение соседи по купе встретили настороженно. Но Барам моментально изобразил улыбку, а вот Андоровновь отвернулся к окну и принялся разглядывать проплывающий мимо пейзаж.

– Я спать, – увернулся я от продолжения допроса и забрался на свою верхнюю полку. Выспаться мне действительно было необходимо.

Засунув рюкзак, в котором хранились пуховик с документами и охотничий нож, под подушку, я мгновенно уснул. Проснулся от того, что поезд остановился.

– Ростов, – проинформировал меня Барам, когда я спрыгнул на пол.

Соседи обедали. Стол был заставлен тарелками из вагона-ресторана. – Есть будешь?

– Да я лучше до ресторана прогуляюсь, хоть время так скоротаю, – отговорился я.

Выйдя из купе, я первым делом отправился в туалет, но тот оказался закрыт.

– Что за?! – долбанул я в дверь кулаком еще раз.

– Чего стучишь? Туалет на остановках не работает. В первый раз что ли в поезде едешь?

– И что теперь? – развернулся я к возмущенно взирющему на меня проводнику.

Нет я знал, что и в наше время в некоторых вагонах не было биотуалетов, но не во всем же поезде! А отлить хотелось – просто жуть.

– Ждите, когда поезд поедет и минует санитарную зону. Через сорок минут откроем туалеты, – пояснил он мне, сверившись с часами.

– А поезд когда отправится? – спросил я, замыслив добежать до вокзала.

– Через восемь минут, – не успею.

– Слушай, да мне отлить только, – принялся я уговаривать проводника открыть мне туалет, поняв, что не дотерплю. Тот ни в какую. Уперся, гад, и хоть тресни, а мне скандал не нужен. Предложил трешку, затем вторую. И только число три дало результат.

– Вымогатель хренов, – проворчал я, добравшись до возделенного толчка, на полноценный унитаз эта конструкция как-то не тянула.

В обеденный час вагон-ресторан оказался заполнен. Меня посадили к женщине с двумя детьми, что больше баловались, чем ели. Поэтому я не стал долго засиживаться.

– Не мент он, почти десятку мне за доступ в туалет заплатил, – услышал я, когда подошел к купе.

– Значит кассир по ошибке билет продала, – последовал грузинский акцент Барамы. – Пересели его куда-нибудь!

– Некуда, все места заняты!

Чтобы меня не обнаружили, я аккуратно вернулся в тамбур.

– Закурить не найдется? – встретила меня вопросом парочка парней.

– Не курю, – мазнув по ним взглядом, я вновь вошел в свой вагон.

Проводник попался мне на встречу.

– Туалет уже открыт, – с издевкой произнес он, на что получил мое вежливое «Спасибо».

В купе все выглядело чинно-благородно. Андро лежал на своем месте и изучал потолок. Барам, сидел, смотрел в окно, когда я вошел, он повернулся.

– Может выпьем? – предложил он мне, доставая из-под стола бутылку. На этикетке я прочитал «Чача» и 48 %.

– Не могу, у меня спортивный режим, – заявил я, изображив сожаление. Мне сейчас только напиться для полного счастья не хватало и потерять над собой контроль.

– Тоже спортсмен? – впервые заговорил со мной Андро. – Чем занимаешься?

– Стайер. Бегаю на длинные дистанции, – пояснил я соседям. Судя по их вытянутым лицам, первое слово они не поняли.

– Ааа, – протянул разочарованно Андро и утратил ко мне интерес.

Дверь распахнулась. В коридоре стояли те парни, что пы-

тались стрельнуть у меня курево.

– Может в картишки? – сделали они предложение.

– Не играем! – за всех ответил Барам. Он вскочил на ноги, и, задев меня плечом, отчего меня развернуло лицом к Андро, задвинул дверь обратно.

Младший брат тоже уже не лежал. Весь подобрался, словно изготовился к бою.

– Заходишь, дверь за собой закрывай! – предъявил мне Барам.

Заперев ее на крючок, он проговорил что-то раздраженное не по-русски и завалился на свою полку.

А я забрался к себе, размышляя над тем как бы незаметно достать нож из рюкзака на тот случай, если братки надумают скинуть мой хладный труп ночью с поезда. Проводник, думаю, возражать не будет, а также затевать поиски пропавшего пассажира.

Я посмотрел на часы. До Воронежа оставалось четыре часа. Если доживу, выйду там. Провел я медленно тянувшееся время прислушиваясь к каждому шороху.

– Через полчаса начинается санитарная зона! – слышался крик проводника из коридора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.